

A woman with dark hair and a black eye patch is shown in a dark, tactical setting. She is wearing a black, high-tech outfit with metallic accents and is holding a futuristic, multi-barreled weapon. The background is dark with some red highlights, suggesting a sci-fi or action theme.

Александр Афанасьев

МОРЕНА²

золото партии

Александр Афанасьев

Морена-2. Золото партии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69197761

SelfPub; 2023

Аннотация

На этот раз Морене можно сказать, "крупно повело" – ей выпала чистая работа; без грязи и крови, тихая и спокойная банковская деятельность. Но она себе даже представить не могла, что ей придётся ворочать даже не миллионами, не миллиардами, а триллионами наворованных в ее стране денег. И их бывшие хозяева так просто с ними расставаться не собирались...

Содержание

Пролог	6
Ноябрь 2018 года. Бретань, Франция. Кот де Лежанд (Берег Легенд)	11
Март 2020 года. Порт-де-Лилья, окраина Парижа, Франция	18
Февраль 2022 года. Лондон, Великобритания. Деловой район Кэнери Уорф	35
Март 2022 года. Близ Лондона, Великобритания. Аэропорт Хитроу	48
Март 2022 года. Лондон, Англия. Клиника Университетского	68
Испания. Северный Мадрид. Паласио де Сарсуэла. Несколько дней спустя	88
Валье-де-Ордеса. Испанские Пиренеи. Несколько недель спустя	98
Апрель 2023 года. Марсель, Франция	106
Апрель 2023 года. Париж, Франция	118
20 апреля 2023 года. Кан-Портсмут-Лондон.	124
23 апреля 2023 года. Вадуц, Лихтенштейн.	138
26 апреля 2023 года. Париж, Франция	160
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Александр Афанасьев

Морена-2. Золото партии

Всё началось не со зла,

Всё началось как игра

Но!

Лестницу в небо сожгла

Плата за стыд твой и страх

Ты и они...

Я порвал бы эту нить,

Слышишь Жанна!

Жанна...

Сводит с ума – улица Роз!

Спрячь свой обман – улица слёз

Я люблю и ненавижу тебя...

Грязь под ногами бродяг

Чище, чем фальшь сладких слов

Я подаю тебе знак

Бросить своё ремесло

Брось!

И уйди!

Пусть растает, словно дым

облик Жанны

Жанны...

Ария

Улица роз

Пролог

Март 2014 года. Поселок Еленовка, Донецкая область, Украина. УИН № 52 – колония максимального уровня защиты

Вряд ли найдется писатель, способный описать то время. Какой она была – весна 2014 года на Украине...

Кровь и пепел Майдана – смешались с кровью и пеплом сожженных автобусов с крымчанами, возвращавшимися домой и застигнутыми на дороге бандеровцами. Яростная надежда одних и страх других, гимн непокоры, звучащий на разных языках – как на украинском, так и на русском. Живое море огней на Майдане и живое море огней в Крыму – каждый праздновал свое. Пустота на месте звезд, огонь вокруг креста...

Кто-то проклял твой народ и это – неспроста...

И – ощущение стремительно убыстряющегося хода времени, раскручивающегося маховика, бездумно и безжалостно ломающего судьбы живых людей...

В ту весну многие поняли, что теперь все зависит от них...

В ту весну многие поняли, что можно убивать...

Две машины – банковский броневик и бытовка на шасси Камаз с завешенными шторками окнами – быстро шли по грязной областной дороге. Донецкая область, Донбасс.

Место, про которое на Украине говорили кто с усмешкой, кто с нешуточной злобой, в Киеве выходцы из Донецка часто скрывали, откуда они – или наоборот бравировали этим. Край терриконов, больших денег, братков и приближающейся войны. Но большие деньги – это Донецк, в донецкой провинции – беспросветная нищета. Было чуть больше шести часов утра по местному времени, но села уже просыпались, то тут то там в предрассветной тьме – светились огоньки – кабанчиков покормить, коровку подоить, нехитрый крестьянский труд. Но к тем, кто находился в машинах – это не имело никакого отношения.

В свете фар мелькнул указатель «Оленівка»

– Подъезжаем... – сказал человек, сидящий на переднем сидении банковского броневика на украинских номерах. Номера были нарисованы хоть и корректно, но достаточно неаккуратно. Вчера вечером рисовали, на скорую руку...

Водитель броневика щелкнул по микрофону на горле

– Внимание!

В свете фар мелькали дома... низенькие, каменные крестьянские дома, они ехали уверенно, не плутая. Знали свою цель.

– Вижу коробку – отрывисто сказал водитель

– Приготовились... – человек с переднего сидения вставил магазин, передернул затвор автомата и раскатал шерстяную шапочку в маску, подавая пример остальным.

– Приготовились!

В свете фар мелькнула дверь, необычная для колонии, дверь из профнастила. Банковский броневик, разгоняясь, шел точно на нее, все схватились, кто за что мог... удар! Одну из створок дверей сорвало с петель, другую отбросило – банковский броневик прорвался на территорию колонии максимального уровня защиты, следом – через сметенные таранным ударом ворота прорвался Камаз. С Камаза – прыгали, бежали рядом с ним люди в черной штурмовой униформе без знаков различия, с автоматами Калашникова...

Охранник – сунулся из будки... Он просто тут зарабатывал деньги и немалые, потому что пронесенная в периметр пачка чая стола три магазинные цены, телефон – пять. На эти деньги он уже построил двухэтажный кирпичный особняк, и дочку замуж выдал... в Донецке погуляли, всё как у людей...

– Вы шо?

Хлесткий удар приклада снес его на землю, штурмующие прорвались в дежурку. Судя по всему, они хорошо знали систему охраны колонии, потому что на всем постсоветском пространстве они одинаковы...

Банковский броневик подкатил к административному зданию, дверь тут была стальная, но ее снесли небольшим зарядом взрывчатки, заранее подготовленным. Бросили внутрь светошумовую, пошли на прорыв. Штурмующие хорошо знали расположение комнат – дежурка, оружейная...

Сирена взвыла и тут же смолкла. Обошлось без жертв, никто не применял до сих пор оружия, не прозвучало ни

единого выстрела. Двое в масках вытащили и бросили к ногам старшего дежурного, упитанного кабанчика-майора – тот икал, глядя прямо в автоматный ствол.

– Понимаешь по-русски? – неизвестный говорил на русском, причем на настоящем, характерном для центральных областей России русском, не на том, что говорят здесь.

– Да, да...

– Пожизненники где сидят? Камеры знаешь?

– Да, да, знаю... – майор от усердия кивал так, что удивительно, как голова не оторвалась

– Ключи?

– Тама...

– Веди...

В сопровождении нескольких боевиков майор засеменил в другой корпус. Фонарь на автомате – светил под ноги, показывая дорогу...

– Знаешь, кто нам нужен?

– Да... да...

– Как он?

– Спортom занимается. Пищу принимает, не отказывается. Тихий...

– Ну...

У блока пожизненников была своя охрана, они заперлись, дежурный заколотил в дверь

– Открывайте! Приказываю открыть.

Старший у штурмующих показал знаком – готовьте сред-

ства подрыва. Лязгнул засов, тех, кто был внутри, моментально ослепили фонарём.

– К стене! Стреляем!

Пошли по коридору, открывая одну решетчатую дверь за другой, освещая себе путь фонарями и лазерами. Мрачное место... каким, впрочем, и должен быть блок для отбывающих пожизненное заключение

– Где...

– Вон эта...

– Открывай...

Дежурный по привычке глянул в глазок, отомкнул один замок, другой. Старший среди налетчиков – посветил фонарем внутрь, оценивая обстановку.

– Еще и дрыхнет, – прокомментировал он.

Человек на нарах зашевелился...

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела. А ты, – он обратился к дежурному, – вали до дому рысью, пока углы тебя на кол не посадили. Зрозумило?

Майор истово закивал

– Бегом!

Ноябрь 2018 года.

Бретань, Франция. Кот де Лежанд (Берег Легенд)

Осенью 2018 года, когда беременность стала уже заметной, а Париж – невыносимым, по совету адмирала она уехала в Бретань, намереваясь там же встретить и зиму.

Бретань – еще одна жемчужина Франции, мало известной что в России, что в Украине, если не считать Париж и Лазурный берег. Провинция рядом с Ла-Маншем, здесь есть скалы, многие десятки километров пляжной черты, галечные и песчаные пляжи и милые маленькие городки, в которых французы дружно отдыхали до того, как появились лоукост авиакомпании и стало модным отдыхать в других странах. Это места Д'Артаньяна и Джеймса Бонда, именно отсюда Д'Артаньян переправлялся в Великобританию, чтобы раздобыть королевские подвески, точнее, вернуть их – а Джеймс Бонд играл в казино в Довилле с ле Шиффром, и ставки были высоки, как никогда. Но так это тихое и уютное место, где каждый найдет свое, где можно часами гулять в скалах, где тепло зимой и прохладно летом из-за Гольфстрима. И где живут радушные люди, готовые предоставить гостеприимство, но не задавать лишних вопросов.

Конечно же, адмирал устроил так, что ее прикрывали. Здесь базировалась одна из частей специального назначения Франции – 1er Régiment de Parachutistes d'Infanterie de Marine, парашютисты морской пехоты Франции, спецназ, сформированный в 1940 году генералом де Голлем в качестве военной части «Свободной Франции» и всю войну провоевавший как французский эскадрон 22 САС. Как она поняла – ее прикрытие было учебным заданием, так распорядился адмирал. Парашютистов-морпехов она, конечно же, сразу влюбила в себя, поразив в числе прочего ловким управлением скоростным «Зодиак». Каждый день они брали «Зодиак» и уплывали куда-нибудь на остров или искали какую-нибудь бухту, где она просто бродила или сидела на берегу, или рисовала. Рисунки дарились морпехам и те вешали их в своих шкафчиках.

Или она просто гуляла по берегу, любовалась тем, как неспешно движется по небу солнце, а морские пехотинцы потом забирали её на своем «Зодиаке».

В этот день она решила нарисовать скалу – там была такая скала, словно зуб торчащая из морской глади. Когда был отлив, к ней можно было пройти по обнажившемуся морскому дну, а во время прилива эту полосу песка всю заливало водой. Здесь вообще были удивительные места... Был, например остров с замком и дорогой к нему; во время прилива дорога скрывалась под водой. Обитателями этих мест давно уже были не суровые рыбаки, а туристы и те, кто их обслу-

живал – ну и фермеры. Но сейчас был не сезон.

Собрав в коробку немного сыра, хлеба с травами и положив бутылку воды, взяв кисти, краску и несколько небольших холстов – она спустилась на улицу – второй этаж в доме, в котором она снимала жилье, имел свой выход на улицу. Морские пехотинцы уже поджидали ее, главным у них был Серж, по званию майор. Он недавно вернулся из Африки, из долины Амметтай. Оттуда он привез африканский загар и татуировку in ge на запястье, под часами. Белозубая улыбка – у него была всегда.

– Мадемуазель

– Привет, Серж...

Их джип летит улочками только просыпающегося города к побережью. Там их уже ждет «Зодиак» – с четвертым бойцом их группы за штурвалом. Первый полк морской пехоты Франции – делится на четверки, как и SAS – потому что они раньше и были SAS. Ротой SAS, сформированной из членов «Сражающейся Франции» для борьбы с нацизмом. Уцелели тогда, в насквозь пропитанной провокацией стране – немногие.

– Что у нас сегодня, мадемуазель?

– Остров

– Отлично.

– Оставьте меня там, я прогуляюсь.

– Да, мадемуазель.

Но она знала, что он ее не оставит. За ней приказано при-

смаатривать – и он присмаатривает. То, что думает Серж – а он, вероятно, думает, что пасет неосторожно залетевшую любовницу адмирала – он держит при себе. В конце концов, это Франция, тут и не такое бывает. У Миттерана была незаконнорожденная дочь, так это было самой большой государственной тайной в стране, и за ней тоже присмаатривал спецназ. Франция есть Франция.

* * *

Скала в море оказалась скучной. Просто огромный камень, изъеденный сотнями лет, ветров и штормов. Да песок, заваленный ракушками, пустыми бутылками и пакетами. С берега он смотрелся намного привлекательнее.

Так часто бывает в жизни – то, что мы хотим, то, чего мы достигаем – это делает нас слабее. Потому что когда мы достигаем чего-то – оказывается что это совсем не то, что мы ждали, да и к чему стремиться – вопрос...

В который раз она задумалась – а что дальше? Она прекрасно понимала, что американцы видели её, и значит – уже никогда не отстанут. Возможно, она сможет быть свободной во Франции или в Израиле, но не более того, мир для нее отныне будет закрыт. Аргентина тоже – они не смогут отказать США, если те потребуют ее выдачи. А в нынешние времена – американской карательной системе нужно совсем немного, чтобы она заработала на полную мощность.

И таким же прокаженным в мире будет ее ребенок. Особенно страшно, если он узнает, кем был его отец, и чем за-

нималась его мать.

Она никогда не думала избавиться от ребенка – это было последнее, что осталось от него, последняя ниточка жизни, его крови. Но что он скажет, когда вырастет, и когда кто-то ему, наконец, расскажет?

Отдать? Пусть растет в какой-нибудь приличной буржуазной семье, пусть его не коснется черным крылом прошлое его матери и его отца.

Справится ли она с этим, потеряв не только единственного человека в жизни, которого она любила – но и последнее, что напоминало бы ей о нем. И кто сможет рассказать ему правду, настоящую историю его отца и его матери, а не ту, что расскажут ему.

Она посмотрела на часы – пора, скоро прилив, вода уже подступила совсем близко. Она так ничего и не нарисовала... надо ехать назад. Зачем-то она решила обойти эту скалу кругом – на удачу, наверное. Пробуя носком песок при каждом шаге – она пустилась в путь и...

Труп!

Там была такая каверна, вымытая приливами, как бы выгрызенная из скалы и наполовину заполненная песком.

Это был труп мужчины, судя по тому, что почти не было запаха, и он не вздулся – в воде он провел совсем немного времени. На нем была обычная деловая одежда, бурые пятна на когда-то белой рубашке – это кровь. Похоже, кровь от ножевого ранения.

К горлу подступила тошнота – но она справилась с собой, потому что научилась справляться. Первым делом надо было проверить карманы... там может быть что-то, что позволит идентифицировать труп... документы или что-то в этом роде. Но документов не было...

Вот... черт.

– Мадам!

Она обернулась. Серж был совсем рядом.

– Пора ехать, прилив...

...

– Все в порядке, мадемуазель?

Она отодвинулась

Реакция Сержа была мгновенной, он не испугался ни на секунду, что-то сказал в микрофон у горла.

– Отойдите, мадемуазель. Вон туда.

Она сделала то, что ей было велено. Ален и Анри, двое спецназовцев, прикрывавших ее сегодня – бежали к ней по песчаной косе, скрытой быстро прибывающей водой. Третьего не было – но он точно был где-то здесь, со своей снайперской винтовкой.

– Месье майор?

– Уберите ее отсюда

Спецназовцы – увидев труп, поняли все сразу, реакция у них была отработана

– Вот... дерьмо. Анри, уведи ее к лодке, живо!

Здоровяк Анри – обхватил ее за плечи и почти нежно под-

нял на ноги

– Пойдемте, мадемуазель

– Его надо осмотреть...

– Его осмотрит полиция. Нам здесь нечего делать, мадемуазель ...

– Подождите!

– Идемте, идемте, мадемуазель. Не надо чтобы нас тут видели... вот так...

Март 2020 года. Порт-де-Лилья, окраина Парижа, Франция

Порт-де-Лилья конечно сильно изменился с тех времен – хотя она и не видела их, не знала, какими были *те* времена. Сейчас это недорогой пригород с прямым выходом на Периферик, вот-вот должна была начаться реновация этого района. А в те времена – пятидесятые, шестидесятые, семидесятые – здесь было осиное гнездо французских разведчиков, многие дома в районе были так или иначе заняты разведкой для своих целей. Здесь властвовали такие герои былых времен, как «палач Франции»¹, граф Александр де Маранш, внук лейб-медика Боткина генерал Константин Мельник, «месье Африка» – Жак Фоккар, доживший до 1997 года и видевший много позорных вещей. Франция была нестабильной страной с разорванным на куски обществом, в котором многочисленным коммунистам и социалистам противостояла даже не буржуазия, а наиболее жестокая и последовательно антикоммунистическая часть общества – аристокра-

¹ Палачом Франции де Маранша называли члены коммунистической партии Франции. Когда стало понятно, что к власти придет лидер КПФ Франсуа Миттеран – де Маранш покинул страну, чтобы избежать обвинений в десятках, если не сотнях заказных убийств. Последние годы своей жизни он жил и работал США, был советником Рональда Рейгана, занимался борьбой с СССР в Афганистане

тия. Сам потомственный аристократ, генерал де Голль провел новую конституцию, дававшую ему почти королевские привилегии, на основные посты в госбезопасности он предпочитал ставить либо аристократов, как де Маранш, либо уголовников, как Фоккар. Ставка оправдала себя – когда армия подняла мятеж и попыталась убить де Голля (таких попыток было более двадцати) – власть бросила против них отряды уголовников. Корсиканские мафиози, сицилийская Коза Ностра, испанские фашисты, югославская мафия – все шли в дело. Шестимесячные курсы подготовки на армейских и полицейских базах – и в бой, за Францию. Коммунистов, мятежных офицеров – похищали и убивали прямо на улицах, в том числе за границей, если не могли найти – могли избить или убить кого-то из родственников. Жак Фоккар и Пьер Дебизе, герои Сопротивления и два самых близких политических соратника де Голля создали Службу гражданского действия – вооруженное крыло голлистского Союза в поддержку республики. Это были группы вооруженных молодчиков, которые получали похожие на полицейские удостоверения, оружие и право вести борьбу с «врагами Франции и генерала де Голля²» – читай коммунистами и социа-

² Service d'Action Civique – что-то типа гражданских штурмовых отрядов с оружием, открыто расправлялись с любым, кто выступал против режима де Голля. Служба распущена в 1982 году Ф. Миттераном после совершения ее участниками убийства шести человек. Вообще, де Голль создал фактически диктатуру, и кровавые, неподконтрольные государству, но крайне эффективные спецслужбы и до сих пор Франция борется за что чтобы взять спецслужбы под свой оконча-

листами. Они тоже обучались здесь, в порт де Лилла.

Но сейчас Порт де Лилла был совсем не тот. Новомодная архитектура, дорожки для прогулок хипстеров, парк Сер-жа Гинсбурга. Во главе СДКЕ, основной французской спецслужбы впервые встал не генерал или адмирал, а карьерный дипломат, гражданское лицо. Впрочем, это могло означать лишь то, что центр активности спецслужб переместился в другое место. Создававшие французские спецслужбы имели за плечами опыт партизанской войны и подполья – и изначально строили структуры, которые могут работать автономно и самоокупаемо. Никто не знал, где точно могли оказаться запасные аэродромы французских рыцарей плаща и кинжала – в оборонке, в Тоталь, в одном из банков. Но они были...

Алиса остановила свой скромный хэтчбек «Пежо» на одной из улиц, рядом с только что построенным торговым центром со стеклянными панелями в стиле «вырви-глаз»... Да и тут бывают такие, для небогатых парижан и многочисленных беженцев. Машину она сменила недавно – предыдущую у нее просто сожгли. Здесь это просто – идут несколько молодчиков-арабов из пригородов, захотелось им отомстить добропорядочным парижским буржуа – они просто берут первую попавшуюся машину и поджигают. Их не ловят и не ищут – даже если застанут на месте преступления – ничего не сделают. За машину заплатит страховая... такие вещи считаются способом снижения социальной напряженности.

тельный контроль и установить в стране демократию.

Хотя она знала еще один способ – порезать подонку лицо ножом или разбитой бутылкой. Поверьте, действует...

Но на нее в последнее время никто не нападал.

Она закрыла машину, поставила ее на сигнализацию, посмотрела на торговый центр, он был уже открыт. Зайти? Иногда, когда ей становилось совсем плохо от боли и одиночества – она просто бродила по большим магазинам, торговым центрам... не для того чтобы что-то купить, а просто почувствовать, что она еще жива, что она – среди людей. В продуктовых она набирала целую корзину еды, и, вывезя из супермаркета, оставляла – для бомжей. Милые парижские клошары, исчезающее племя. Сейчас их все меньше и меньше, на их место приходят молодые агрессивные ублюдки, которые уверены что Аллах создал землю только для них...

Все меняется и не в лучшую сторону.

В торговый центр она все-таки зашла. Там много витрин, в них удобно смотреть, когда проверяешься. За ней никто не шел.

Выйдя через другую дверь, она пошла по улице, следя за тем чтобы за ней не увязались какие-нибудь ублюдки. Для сегодняшнего визита она оделась максимально скромно, но сейчас и это вряд ли поможет. Бедный Париж... во что он превратился? Теперь везде, даже на Елисейских полях можно встретить стаю перевозбужденных обезьян, которые считают, что если девушка одела короткую юбку, то это значит, что она шлюха и на всё согласна...

Ага... здесь.

Камеры не было, вместо системы доступа – старомодный звонок. Она позвонила, и раздался щелчок – дверь открылась. Камеры она не заметила...

Это и был Дворец...

Дворец был создан как ответ на террористические акты в Париже, как структура, позволяющая разбираться с потенциальными террористами быстро и без проволочек. Не обязательно даже убивать... если в отношении такого-то лица есть оперативная информация, то избить его как следует и объяснить что здесь ему не рады и ему надо уезжать – это самое простое и дешевое решение, намного более дешевое чем ждать пока он что-то натворит и намного более безопасное, чем устраивать потом его ликвидацию. Но почти сразу выяснилось, что Дворец нужен не только для того чтобы гоняться за сыновьями таксистов и лавочников, принявшими радикальный ислам и представляющими угрозу государству. Как вам например такое – в 2015 году американцы сделали все, чтобы русские не получили два больших десантных корабля «Мистраль». Платой за отказ передать их русским – стал большой контракт на французские вертолеты «Каракал» в Польше, на два миллиарда долларов. Но как только корабли ушли Египту, а русским пришлось вернуть миллиард заплаченных за них долларов – поляки преспокойно отменили результаты тендера и закупили американские «БлекХоки». Французы потеряли реноме надежных постав-

щиков и даже не получили утешительный контракт на оснащение египетских кораблей вертолетами – он достался русским. И как это понимать?! Французское правительство пришло в бешенство и дало Дворцу намного больше полномочий и сферы деятельности. Возможно, напрасно.

Должность «короля» во Дворце – так неофициально называлась эта должность – вот уже много лет занимал отставной контр-адмирал французского флота Фабрис Санторо. Его карьера была в общем-то обычной для французских карьеристов – Высшая военная академия ВМФ, затем назначение на ядерную подлодку, затем повышение. Институт стратегических исследований Эколь Милитер. Затем отставка и неофициальное назначение на роль «торгового агента», занимавшегося продвижением продукции французского ВПК по всему миру. Он даже не был государственным чиновником – зато входил в советы директоров всех крупных французских оборонных компаний.

Но при этом – у адмирала было еще и второе дно...

Попав в одно из «бюро» дворца – тут все называлось французскими, понятными, но в то же время смешными терминами – Алиса поразилась тому, что увидела. Ни одного компьютера, неумолкаемый стрекот машинок, разделенное перегородками помещение, за машинками сидят в основном девушки. Она не знала, что адмирал всё последнее время работает против интересов США и Великобритании в Европе и именно поэтому он создал Бюро. Место, где не ловят

сотовые телефоны, и нет ни одного компьютера. Американцы про это место ничего не знали, потому что в мире высоких технологий, где люди разучились даже писать письма на бумаге и обмениваются СМСками – место, где печатают на пишущих машинках и держат бумажную картотеку с папками – было призраком. Его нельзя было взломать, информацию нельзя было скачать, отсюда не могло быть никаких утечек. Американцы знали, что против них кто-то работает, но искали врага либо по сетевой активности, либо по деньгам. Бюро в сеть не выходило, а финансировалось не государством, необходимые средства на его содержание скрывались в бюджетах французских оборонных компаний. И американцы ничего не находили, потому что искать иначе они уже не умели...

Порученец адмирала, жесткий человек, в котором Алиса без труда опознала человека с каким-то уголовным прошлым – ждал ее у двери. Вместе с ним она прошла между плотно поставленными столами и картотеками, по старинной, кованой из чугуна, гудящей под ногами лестнице поднялась на третий этаж. Там ее и ждал адмирал Санторо...

Он был в черном, как и Николя Саркози, под которого он косил. Подвижное, типично французское, с горбатым носом лицо, прилипчивые глаза – она сразу вспомнила, как он приходил к ней. Она вернулась из Одессы, вымотанная, испуганная, замерзшая изнутри от горя и боли. И во взломанной квартире – ее ждал он. Новый ублюдок, претендовавший на

то чтобы распоряжаться ее жизнью и ее телом.

Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился;

Излил пред Ним моление мое; печаль мою открыл Ему.

Когда изнемогал во мне дух мой, Ты знал стезю мою. На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня.

Смотрю на правую сторону, и вижу, что никто не признает меня: не стало для меня убежища, никто не заботится о душе моей.

Я воззвал к Тебе, Господи, я сказал: Ты прибежище мое и часть моя на земле живых.

Внемли воплю моему, ибо я очень изнемог; избавь меня от гонителей моих, ибо они сильнее меня.

Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое. Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодетельство³.

Но она понимала, что не имеет право на заступничество Господа. Потому что она шлюха и убийца. Как оказалось, она не имеет права даже на ребенка. Она смирилась с этим в душе – таково ее наказание.

– Морена... ты как всегда очаровательна...

Она протянула руку для поцелуя... адмирал любил все это... она в какой-то момент поняла такую черту его харак-

тера – он, почему-то завидовал дворянам, лицам знатного и просто благородного или благополучного происхождения. Она не знала, в какой семье вырос он, но подозревала, что примерно в такой же, в какой выросла она. И теперь, добившийся больших высот на службе выпускник Школы стратегических исследований Эколь Милитер жестоко мстил всему миру... всем кто попадался на его пути.

И ей тоже.

Рано или поздно дьявол всегда является за товаром.

– Ты отдохнула

– Возможно...

– Очень хорошо... это, кстати, в наши дни редкость, иметь достаточно времени для отдыха. Но теперь у меня есть работа... как раз по твоему профилю.

Адмирал достал старомодную папку и перебрал по столу Алисе. Та посмотрела, поморщилась...

– Его-то за что?

Адмирал тонко улыбнулся

– Его не нужно убирать. Наоборот, его нужно любить...

Алиса недоуменно посмотрела на адмирала.

– Что так смотришь? Между прочим, неплохая партия, хоть и англичанин. Потомственный дворянин, граф какой-то там. Финансист, работает в Сити. Женат, с женой не живут больше пяти лет – но при этом не гомик. На двадцать три года старше тебя, всё, как ты любишь...

Морена задумчиво посмотрела на адмирала. Его отделял

стол – но он совершил большую ошибку, оставив на нем тяжелый хрустальный графин. Она не смотрела на него – но помнила, где он стоит, и какое движение надо сделать рукой, чтобы схватить его...

– Зря. Зря так на меня смотришь. Ты же понимаешь, что выхода из игры – нет. Ты ведь не думала, что можно просто жить, наслаждаясь деньгами после того, что ты и твой покойный друг натворили по всему миру. Не забывай, американцы помнят про тебя, тебе нужен официальный статус, а мы можем его дать только сотрудничающим лицам. Но я бы мог тебя отправить к джихадистам, в десятый округ. Трахалась бы там с Ахмедами и Мохаммедами, чтобы выяснить, кого и когда они собираются взорвать. А я тебя в Лондон отправляю, объект приличный подобрал...

Адмирал смотрел на нее с улыбкой, но в глазах его не было ничего кроме зла

– Мой покойный друг совсем потерял голову от тебя, но я то знаю, какая ты на самом деле дрянь, верно?

Два с половиной метра. Всего два с половиной метра.

Она улыбнулась – так, как она научилась улыбаться в своем далеком прошлом. И ничего не ответила.

Но адмиралу и не нужен был ее ответ. Он достал визитную карточку, написал на ней номер, и перебросил ей.

– Позвонишь по этому телефону. Спросишь профессора Пьера-Луи Дюбона. Будешь посещать университет Париж-Дофин как вольнослушательница, и заниматься по ин-

дивидуальной программе. За полгода тебе надо стать выпускницей факультета экономики да еще с каким-то опытом. Достаточным, чтобы пристроить тебя в Сити.

...

– Отвечай – да, месье адмирал

– Да, месье адмирал.

– Вот и отлично. Мой телефон и адрес в Париже на лицевой стороне визитки. Жду звонка...

Никогда не нападай, когда враг этого ждет. Атакуй неожиданно.

– Какова задача?

– Сначала пройди курс обучения, посмотрим, что скажет профессор Дюбон. Потом и поговорим.

Морена спрятала визитку в декольте, улыбнулась своему новому начальнику и вышла.

* * *

Профессор Пьер-Луи Дюбон жил в шестом округе Парижа, который еще называли университетским.

Его карьера, в общем-то, многообещающая – сорвалась из-за скандала, когда уже было мнение назначить его представителем Франции в Международном валютном фонде. Одна из студенток забеременела от него, сделала аборт, начались проблемы, все стало известно. Франция есть Франция, здесь многое решается через секс, студентки спят с профессорами, для молодых журналисток считается нормаль-

ным переспать с политиком за интервью⁴ – но теперь о государственной службе можно было забыть.

Потом была еще одна история, на сей раз с наркотиками – и профессор попал на крючок к французским спецслужбам. Он был довольно уважаемым специалистом в своей среде, публиковал статьи по международным финансам, и спецслужбы обращались к нему, когда нужна была консультация по оффшорам. С адмиралом Санторо профессор познакомился, когда адмиралу нужна была консультация по алмазному рынку и возможности его использования Аль-Каидой для крупных денежных переводов в неотслеживаемых бриллиантах. Профессор так и не понял, что на самом деле адмирал искал «точки входа» в черный бриллиантовый бизнес с африканскими ворованными бриллиантами.

Когда адмирал вышел на профессора и сказал ему, что нужно за шесть месяцев подготовить человека для внедрения в Сити – профессор сказал, что невозможно. Сити нельзя обмануть, Сити для финансистов – это как спецназ для военных. В Сити – начинающие работают по восемнадцать часов в сутки, чтобы пробиться, бывали случаи, когда новички умирали от переутомления. Но когда адмирал показал фотографию – профессор свое мнение изменил. В конце концов, он был и оставался старым бабником...

Сейчас он стоял у витражного стекла своего дома и смотрел вниз. Интересно, на какой машине она приедет? Или ее привезут.

Звякнул звонок

Пропустил.

Профессор вздохнул, машинально провел руками по костюму, проверяя все ли в порядке, и пошел встречать

– Мадемуазель.

– Я от адмирала.

– Да, проходите...

В жизни она оказалась еще лучше, чем на фото – от двадцати до тридцати, точно не скажешь, одета скромно – но именно так, чтобы от этой скромности глаз было не оторвать. Тяжелый, дорогой плащ из плотной ткани, темно-синий, с черным воротником, по покрою похожий на морской бушлат, ноги в обтягивающих джинсах. В руке ноутбук... и ведь не боится. Сейчас в Париже лучше не носить открыто ни ноутбук, ни камеру – вырвут, а будешь сопротивляться, могут и ножом пырнуть.

– Позвольте...

Она совершенно естественным движением скинула плащ ему на руки, прошла в комнату, с интересом осматриваясь. Да... первый экзамен сдан. В Лондоне она впишется.

– Сюда...

Он осмотрел ее, не разрешая присесть – она вела себя совершенно естественно и не возмущалась.

– Первое, что ценится в Сити – свободный английский, потому наши с вами уроки будут происходить исключительно на английском языке. Вы не против?

– Отнюдь.

– Вы знаете английский?

– Не хуже французского. В совершенстве.

Да, идеальный английский, «оксфордский». Чистое произношение.

– Очень интересно. А какими языками еще владеете

– Испанский, русский, арабский. Немного немецкий... не в совершенстве.

– Скажите что-нибудь по-испански

Она осмотрелась

– Профессор, у вас уютная квартира, но потолок нуждается в ремонте.

Он моментально узнал эти мягкие, певучие интонации...

– Аргентина.

– Совершенно верно.

Испанский язык – многообразен, кстати, мало кто знает, что он родной для большего числа людей, нежели английский, и даже в США он получил столь широкое распространение, что неофициально считается вторым государственным языком⁵. Аргентинский вариант испанского – еще более

⁵ В США нет такого понятия как государственный язык вообще. Но судя по тенденциям – к 2050 году США станет преимущественно испаноязычной страной

мягок и мелодичен, чем оригинальный испанский, потому что автохтонное аргентинское население – это выходцы из Италии. Испанский они переделали на свой лад, в аргентинском диалекте есть словечки с итальянскими корнями, которые в том же Мадриде не поймут.

– Вы из Аргентины?

– Да, я там родилась и выросла.

Профессор подумал – а не так и плохо. Почти идеальный набор языков. Французы чаще всего не могут пробиться ни в Сити, ни на Уолл-Стрит именно из-за незнания языка – Франция гордо отказывается учить английский, бережет свою идентичность, и в глобализированном мире это мешает все сильнее и сильнее. Здесь же английский идеальный, совсем без раздражающего акцента. Плюс – испанский, русский, арабский. Это дает возможность международной компании переводить ее в любой офис по всему миру – и не надо тратиться на адаптацию. А арабский... любой шейх в Дохе или Абу-Даби подпишет что угодно, только взглянув на ее фигуру. Да... может и получится. В конечном итоге – мир международных финансов такой же, как и все – и не счесть там дамочек, которые пробивались к вершинам понятным способом, заимев в юности взрослого покровителя...

Может и получится...

– Присядьте.

Профессор Пьер-Луи Дюбон подошел к доске, на которой можно было писать маркерами, машинально протер ее, хотя

она была чистой

– Пересядь ближе, не надо стесняться...

Она пересела, не обратив внимание на ненавязчивый переход на «ты». Профессор взял красный маркер и написал на доске одно слово Offshore.

– Оффшор, Эллис. Это – главное слово, которое вы должны знать, если хотите работать в мире финансов. Оно сейчас даже главнее чем биржа в свое время. Знаете, что такое оффшор?

– Место, где не платят налоги?

– Ну, не только, но в целом верно. Низконалоговая юрисдикция, обязательными признаками оффшора являются так же удобная финансовая инфраструктура и удобный правовой режим, чаще всего не континентальное, а британское общее право, позволяющее создавать более удобные финансово-юридические конструкции, такие как слепой траст, наследуемый траст, траст под условием и так далее.

...

– Оффшор, если называть вещи своими именами, служит для того, чтобы не платить обществу и государству высокие налоги. Это первое его предназначение, второе – скрывать истинных владельцев тех или иных видов активов, обеспечить безопасное наследование активов и низконалоговый, или безналоговый режим при продаже активов. Однако, любое государство, как вы понимаете, мадемуазель, просто так не смирится с тем, что не имеет возможности залезть в ваш

карман и хорошенько пошарить там. Сейчас – идет борьба с бизнесом в оффшорах, придумываются все новые и новые виды наказания и обложения тех, кто в них работает. Но эта борьба обречена, как вы понимаете, на проигрыш, потому что тех, кто играет на стороне государства – тысячи, может десятки тысяч, а тех, кто играет против – сотни тысяч, если не миллионы, и они умнее.

...

– Учебники вы сможете прочитать сами, вечером, а мы с вами будем говорить о том, как это функционирует на самом деле, и как такой красавице плавать в бассейне полном акул и чтобы вас при этом не сожрали. Короче, будем говорить о практике, согласны?

Алиса слабо улыбнулась.

– Вот и отлично.

Февраль 2022 года. Лондон, Великобритания. Деловой район Кэнери Уорф

Остров канареек... так он правильно назывался. Остров, где не гаснет свет окон и не стихает работа. Круглые сутки, день за днем. Биржи по всему миру, каждая биржа – поле битвы. Начинается все с Токио, дальше открывается Шанхай, дальше Дели, дальше Москва, дальше Варшава и Франкфурт. И только потом – Лондон. Незримое, похожее на приливные волны движение капиталов. Сотни миллиардов – доллары, евро, юани, рубли, фунты, йены.

Незримый пульс современного мира.

Она стала его частью. Крохотной рыбкой-лоцманом в мировом океане, который тем не менее ведет крупную рыбу. Ей стало нравиться то, что она делала... управление финансами, слепые трасты, размещение средств во многих валютах и инструментах. Она начала понимать закономерности этого рынка – например, что банк Японии раздает кредиты под одну десятую процента годовых, и можно взять их и вложить в русские бумаги, скажем под пять. Это самые надежные, одну – две десятых процента ты потеряешь на конверсиях и комиссиях – и вот у тебя доход в пять почти процентов ни

на чем. Мало? Да, но что если речь идет о десятках, сотнях миллионов?

Или арабские нефтяные деньги... им нужны надежные гавани, они обожают недвижимость. Норвежцы очень осторожны в этическом плане. Проблема с американцами – они боятся всего и вся, потому что их налоговая служба обладает глобальным охватом, и вся банковская система в мире вынуждена сотрудничать с ними, если не хотят огромных штрафов от американского регулятора. Но и им можно помочь – русские из-за санкций создали систему банков, которые непрозрачны для американского финансового регулятора. Во всем мире сделки с ними под запретом – но если ты знаешь Сергея из российского посольства – то все становится намного проще. Огромные деньги попадают в Россию через третьи руки и выходят оттуда под самыми разными предлогами уже обезличенные, на России цепочка прерывается и восстановить ее не сможет никакая FATCA⁶. Русские тоже заинтересованы в том, чтобы водить за нос американцев... с них станется. Только в этом году через нее и Сергея прошло больше трех миллиардов долларов... настоящая черная дыра, прачечная глобального масштаба. Сергей такой душка... когда они познакомились, она думала что частью платы за услуги станет постель, и она была готова к этому – но он, кажется, гей и не может в этом признаться. Глупый, это же

⁶ Foreign Account Tax Compliance Act – закон об обложении иностранных финансовых операций.

Лондон, кому какая разница, гей ты или нет. Но он так на нее смотрит, когда они встречаются в пабах.

Зато мистер Дилип, начальник управления – не может на нее нарадоваться. В прошлом квартале она была признана самым ценным сотрудником лондонского офиса, а годовой бонус, вероятно, будет такой, что хватит на квартиру. Она еще не решила, стоит ли покупать здесь квартиру...

Хотя ей все больше нравился Лондон. Парадоксально – ей, урожденной одесситке – все больше нравился этот город с его прохладной, то сухой то дождливой погодой, мягкой зимой, многоязыким гомоном и толпой самых разных фриков, на которых можно наткнуться в любом месте. Она легко стала аргентинкой, потом не менее легко – испанкой и француженкой, потому что одесский и испанский темпераменты-таки схожи. Но, переехав сюда, она научилась ценить и болезненную вежливость англичан, и их щепетильность, их едкое чувство юмора в сочетании с потрясающим умением дружить. Она много гуляла по Лондону, открывая для себя этот великий город – смешение стилей в архитектуре, известные только по Лондону фишки типа двухэтажных автобусов, кэбов, полицейских-бобби и красных телефонных будок, через которые сейчас раздавался *wi-fi*, *Ground floor* и таблички с именами на дверях. Миллиардеры за соседним столиком в кафе и десятки совершенно улетных тусовочных мест. Она все больше вживалась в этот город, все более чувствовала его – и когда они с Дэвидом решили выбраться на

уик-энд в Париж – Париж показался ей странно чужим. Да, он стал еще хуже. Нельзя пустить в город миллион агрессивных мусульман и думать, что всё останется так же как раньше.

Компьютер слабо пискнул, возвращая ее из мира грез в реальность. Закрывается Франкфурт... отторговались хуже, чем она ожидала. Меры Евроцентробанка по поддержанию ликвидности мало что дали, инвесторы не поверили в перспективы роста и не готовы вкладывать. До тех пор, пока призрак большой европейской войны висит над континентом – оптимизма ждать не следует.

– Эллис... ты идешь?

Она махнула рукой

– Идите. Я еще немного посижу.

Она вдруг вспомнила адмирала де Сантьяго. Он был последним близким человеком, который остался у нее – и если бы не он, наверное, и ее бы сейчас не было в живых. Странно, но он и в самом деле стал ее отцом, после того, как она потеряла Ангела и их с ним общего ребенка. А людям нужны корни. Потому что без корней – не будет ни цветов, ни листьев

Коллеги покидали офис... она смотрела на экран. Хорошо, что он матовый... не видно скатившейся по щеке слезы...

* * *

– Ты видела?

– Ага.

– Кого эта с...а пытается удивить.

– Я бы задала себе другой вопрос – с кем эта с..а спит

– С кем-то из авторитетов, судя по всему.

С едва слышным шипением раскрылись двери лифта – и офис-менеджеры «Свис Юнион» – влились в число своих коллег, покидающих свои рабочие места как поле боя.

Еще один день прошел.

* * *

Ее съемная квартира находилась здесь же, на острове – очень удобно, до работы десять минут пешком и с работы столько же. Забежав домой, она быстро переоделась, сменив туфли на удобные кроссовки. Макияж оставила тот же, рабочий – ни к чему выделяться.

Пешком, по мосту Ватерлоо она перешла на другой берег, там дошла до ближайшей станции метро. Машинально проверилась при посадке.

Никого.

Целый вечер впереди. Разгульный Лондон...

* * *

Паб носил странное название – «Мельник и Олень». Впрочем, это было еще не самое странное название для английского паба.

Из забегаловки для рабочего класса с пивом и «фиш энд чипс» – то есть рыбы с картошкой, завернутой во вчерашнюю газету – пабы стали одной из достопримечательностей Лондона, одновременно – коммьюнити-мейкер, тут так говорили. В паб можно было прийти одному, а можно с компанией, можно выбрать паб, где тусуются коллеги, а можно – где тебя никто не знает. Паб – это место, где англичане и гости их столицы скорее *socializing*, социализируются. Не зря, в каждом из пабов есть какая-нибудь игра...

Официанта было не дожидаться – паб был забит до отказа, к тому же официанта звали Мустафа, а она инстинктивно не доверяла тем, у кого было такое имя. Потому она сама сделала заказ... какую-то зелень, дорого и почти без калорий. Когда тебе тридцатник – ты уже не можешь есть, что тебе нравится.

Устроившись на освободившемся месте, она попробовала думать о футболе, который передавали по телевизору, стоящему над стойкой. Раньше она была к нему равнодушной, но теперь полюбила и футбол.

Сергей появился через десять минут... Дорогой плащ от Burberry и несчастный вид. Она усадила его рядом с собой и поцеловала в щеку

– Есть новый заказ, – без обиняков сказала она.

– Подожди, дай хоть отдышаться.

Они говорили по-русски.

– Отдышишься потом.

– Сколько.

– Сорок.

– Откуда?

– Рим.

Сергей присвистнул

– Мафия? Не хотелось бы.

– Какая мафия? Чиновники – и есть самая главная мафия. Слышал о выделении Италии и ее банкам стабилизационного европейского кредита? Вот они его, похоже, и пият. Пятьдесят процентов – неплохой аппетит.

– Когда?

– Они торопятся.

Она нащупала его руку, вложила в нее записку – их она всегда писала от руки, никаких компьютеров. Полезный урок адмирала Санторо. То, чего нет в памяти компьютера – не существует и в природе.

– Хорошо.

Дальше – деньги пройдут в Россию, там обезличатся. Выходить они будут разными путями. Например, через инвестиции – в России они при определенных обстоятельствах не облагаются налогами. Или через решения судов третьих стран...

– У меня тоже есть запрос.

– О чем?

– Недвижимость.

Она застонала, как от боли... в этот момент как раз забили

гол, и разговора их было не слышно

– Господи, Сергей. Неужели нельзя...

– Начальство...

Сейчас в Лондоне недвижимость просто так было не купить – нужно было подтверждение легальности происхождения денег. Она могла его достать, используя связи в банковской системе, свои и Дэвида – но каждый раз подставлялась.

Стоит один раз оказать услугу – и к тебе будут обращаться раз за разом.

– Сколько?

– Двадцать.

Выхода не было. Жизнь – это взаимное предоставление услуг.

– Хорошо. Попробую что-то сделать. Передай этим ублюдкам, чтобы не воровали так быстро. Лондон не резиновый...

* * *

Обратно она возвращалась на метро – лондонцы называют его *The tube*, труба. Успела до закрытия станции «Кэнери Уорф»... она огромная, двухэтажная, крупнейшая в Лондоне. Мало кто знает, что под станцию метро переоборудовали... бывший корабельный док. Потому-то здесь так просторно в отличие от обычных лондонских станций, где высокому человеку подчас приходится пригибать голову.

– Эй, красотка...

Она обернулась, отступила к стене, чтобы прикрыть тыл.
– Спешешь?

Пятеро. Самому старшему – лет двадцать, но качков нет, просто отморозки. Пакистанцы. Там дальше, на Кэнери Уорф рядом с дорогими жилыми комплексами у воды – есть социальное жилье, там живут те, кто обслуживает офисы... кто прибирается там, стирает одежду, работает в кафе. Это обычно пакистанцы. Но если их родители благодарны за то что они в Лондоне и у них есть работа – то эти претендуют на что-то большее. Каждую пятницу они едут молиться, и здесь тоже есть подпольные моленные комнаты.

Проблема в том, что их пятеро. Это больше, чем она может справиться. Остается только прорываться и бежать. На ней кроссовки – это большой плюс. Вон тому – она воткнет карандаш в глаз и прорвется...

– Эта леди со мной...

Пакистанцы обернулись. Человек выступил из полутьмы... он видимо ехал в первом вагоне. Пакистанцам не понравилось ни то, что он белый, ни небольшой лотарингский крест⁷ на его черной ветровке – худи.

– А ты кто такой, мужик?

⁷ Крест с двумя, а не одной поперечинами. Старый европейский символ, во Франции патриоты использовали его во время оккупации Эльзаса и Лотарингии как призыв к отвоеванию этих территорий, он же был символом Сражающейся Франции де Голля. Во французских ВМФ флаг с этим крестом имеют честь нести только гвардейские корабли, названные в честь кораблей Сражающейся Франции. Он же – выбит на медали Сопротивления

Едва слышно прожужжала молния, пакистанцы увидели рукоять крупнокалиберного пистолета за поясом.

– Ты действительно хочешь это узнать, сын свиньи?

Оскорбление было страшным, но еще более страшным был пистолет, как и готовность его немедленно применить... пакистанцы умели быстро оценивать людей и потому они бросились бежать как крысы.

Человек застегнул куртку

– Откуда ты взялся? – недовольно сказала Морена – Я тебя не заметила

Серж Ренье, офицер парашютно-десантных частей французской морской пехоты подошел ближе

– Давно тебя тут жду.

– А если бы я осталась ночевать в городе?

Он пожал плечами:

– Просто пришлось бы ждать немного дольше. Однажды я четыре дня ждал одного типа на голых камнях.

– Ты сумасшедший, ты это знаешь?

– Да. Пойдем, я тебя провожу.

Они поднялись на первый этаж – тот, на котором они были, был *ground floor*, земляной. Серж не совсем галантно заступил даме дорогу, вышел, огляделся, кивнул – можно.

– Давно в Лондоне?

– Утром приехал...

– С пистолетом?

– Нет, пистолет я купил уже здесь. Шутка.

– А если бы они не поверили?

– Тогда пришлось бы пускать в ход. Но обычно – они верят...

...

– Новости есть?

Морена кивнула

– Они не поднимут ставку, это самое главное. Остальное у меня дома, на флешке. Пошли, я напою тебя чаем...

* * *

Чай...

В мире это не такой популярный напиток... все пьют кофе, а в Латинской Америке все пьют мате – что-то вроде очень крепкого травяного настоя, он вреден для зубов, и потому его пьют через трубочку, не задерживая во рту и сразу глотая. В Европе чай тоже никогда не был популярен. И только в Великобритании – она попала в настоящее царство чая. ***Файв о клок ти*** – одна из скреп, на которых держалась и держится Великобритания. В пять часов здесь все идут пить чай. У нее всегда был один из самых дорогих сортов черного чая – «Рашн Караван» от «Твайнингс», семь британских фунтов за пачку.

Серж сидел и смотрел в пол, пока она заваривала чай. За окном на Темзу мягко легла ночь, загорелись огни великого города. Лондон – это город, который никогда не спит, и ничто не в силах изменить его по-настоящему

– Эй...

...

– Что происходит?

Ренье кисло усмехнулся

– Подцепил русский сплин. От тебя.

– Как тебя только угораздило...

Она вдруг поняла, на каком языке они говорят – на русском.

– Откуда ты знаешь русский?

...

– От прабабушки.

– Она была русской?

– Полькой, но очень любила Россию. Я и польский знаю. Ее выкинули из Польши, потому что те, кто был близок к русским с какого-то момента стали врагами государства...

– Понятно...

Она заварила чай, накрыла чайник небольшим одеяльцем, села напротив него

– Эй. Улыбнись.

Но Серж оставался серьезным

– Элис...

...

– Я не знаю, что у тебя было в прошлом и не хочу знать. Но если тебе вдруг некуда будет идти... знай, что мой дом всегда открыт для тебя. Как и мое ...

Серж споткнулся, потом резко встал

– Я... давно это хотел тебе сказать. Может, лучше было не говорить. Извини... лучше мне уйти. Я... пойду.

И он ушел. А Морена осталась одна на кухне. Вместе с целым чайником чая, который ей одной не выпить...

Март 2022 года. Близ Лондона, Великобритания. Аэропорт Хитроу

Сегодня – возвращался Дэвид. Она взяла отгул до полудня, потому что должна была встретить его...

В Лондоне у нее не было машины. Потому что машина – это то, что привязывает тебя к миру и то, благодаря чему за тобой можно следить. У нее был велосипед, а если нужна была машина, она арендовала ее или брала по каршерингу. Так жили многие лондонцы.

Но сегодня она была за рулем «РейнджРовера». Машину оставил ей Дэвид, когда улетал в Давос на всемирный экономический форум...

* * *

Это было легко. Даже слишком легко. Мэтр Симон, у которого она училась актерскому искусству в Париже, гордился бы ей.

Нужный ей человек в Лондоне был женат – но это мало что значило. Гораздо больше значило то, что он был членом Совета директоров Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации. Через него проходили многие миллиарды евро и долларов – но он сам не осознавал этого, потому что

был слишком честен.

И несчастен.

Она это сразу поняла, как только начала следить за ним, и послушала всего лишь полчаса семейных разговоров за столом – для этого она использовала не оставляющее следов проникновения лазерное подслушивающее устройство. Его супруга просто использовала его – как, видимо, и все в его жизни. Такое бывает. Он женился, потому что должен был жениться, или потому что так захотели его родители. Он завел детей, потому что в семье должны быть дети. Наконец, он работал, потому что должен был работать и приносить пользу обществу. И это при том, что он происходил из древней родовитой семьи, имевшей родство со старой британской династией Плантагенетов – бывших королей...

Его супруга же была той еще хищницей – инстинкт подсказал ей на пару дней оставить его и переключиться на нее. Двух дней хватило, чтобы понять – она не занимается детьми, третирует няню, тратит деньги как бешеная и трахается со своим тренером по теннису. Набор просто отличный – ей даже стало жаль объект разработки. Нормальный мужик, не педик – просто типично британская аристократическая... тряпка. Но он все равно не заслужил такую дрянь в качестве второй половины, верно?

Вернувшись к слежке за основным объектом, она узнала еще кое-что. Граф (свой титул он скрывал, у нее была его визитка) каждые выходные участвовал как «волонтер на

неполное время» в так называемом проекте Симон. Это был некоммерческий проект, связанный с помощью бездомным – волонтеры раздавали им собранные на благотворительных «пати» вещи, помогали устроиться в ночлежках, организовывали медицинское обслуживание. Волонтерские проекты – один из лучших способов подкатить к сильным мира сего, которые испытывают стыд от того что они слишком богаты и потому какое-то время работают волонтерами.

Она записалась волонтером и довольно быстро познакомилась с нужным человеком. Правда, это было еще не самое сложное – Дэвид оказался человеком мягким и слишком порядочным, как и многие англичане его круга. Она легко стала его другом, но чувствовала, что если попытается сама и с наскака перевести отношения в горизонтальную плоскость – то этим все только испортит. Но жизнь как часто и бывает – решила проблему за нее. Причем так, как она сама и не додумалась бы решить...

* * *

– Привет...

Бездомные, укрывавшиеся картоном и еще чем-то – зашевелились, кто-то пытался рассмотреть наклонившегося ним человека, пытаясь понять, друг он или враг.

– Какого черта, мистер?

Человек дружелюбно улыбнулся, хотя это не было заметно из-за темноты.

– Возможно, вам не стоит спать на улице. Смотрите, у меня есть машина. В приходе тепло и есть кровать.

– Какого черта. Мы спим, где хотим, проваливай.

– Возьмите хотя бы пару одеял.

– Давай одеяла, мистер. И проваливай.

Человек отошел к «Форду Транзит», вернулся с парой одеял в упаковке.

– Вот ваши одеяла. Может, вам нужно еще что-нибудь?

– Нет, проваливай...

Человек вернулся к машине. «Транзит» медленно тронулся.

– Ты снова снял перчатки? – сказала сидящая за рулем женщина.

...

– Надень.

– Я не могу помогать людям, боясь прикоснуться к ним.

– Если ты заразишься чесоткой, ты не сможешь ни себе ни им.

Человек покачал головой.

– Господи, ты прямо как Элизабет.

– Твою жену зовут не так.

– Это моя служанка. Моим родителям было плевать на меня, и она меня вырастила. Ты уверена, что тебя зовут не Элизабет?

– Уверена. Все на сегодня?

– Нет, заедем еще в пару мест.

– Хорошо...

Человек достал планшет, посмотрел на карту, потом сказал.

– Ты знаешь, что в городе тридцать с лишним тысяч бездомных, а мы строим новый аэропорт за пятьдесят миллиардов?

– Знаю. Скольких из них устраивает такая жизнь?

– Это потому что они не знают другой.

– Уверена, что знают.

Человек покачал головой.

– Как ты можешь быть такой циничной. Разве ты не хочешь помочь этим людям?

– Да, но только тем, кто сам хочет, чтобы ему помогли.

– Тогда почему ты занимаешься этим?

– Социальная ответственность, Дэвид. Корпоративные правила. Я должна участвовать в благотворительных акциях, не менее двадцати часов в месяц. Все остальное время я могу зарабатывать для фирмы миллионы, в то время как нищие могут и дальше оставаться нищими...

– Ты не такая жестокая, какой хочешь казаться. Элис, в душе ты добрая, просто в Сити это не востребовано, и ты ищешь место, где...

– Да, да. Здесь?

– Верно.

* * *

А здесь – были проблемы. Дэвид, человек, которому, наверное, следовало родиться лет на сто раньше – этого не понял, а она поняла сразу. Потому что жизнь научила ее чувствовать опасность кожей...

Грабители. Скорее всего, восточноевропейцы.

Один ублюдок шмонал вещи бездомных, второй стоял на стреме. Если есть несчастные, незащитные – то всегда будут и те, кто готов будет этим воспользоваться. Бездомные в Лондоне были всегда – но с тех пор, как в ЕС приняли восточноевропейские страны, на улицах Лондона стали появляться те, кого раньше тут не было. Люди, которым жизнь при рождении не дала ничего, а в дальнейшем преподавала лишь уроки жестокости, но не уроки милосердия и сострадания. Восточная Европа, кровавые земли. Вряд ли те, кто принимал решение о расширении ЕС и открытии границ – представлял, с кем им предстоит иметь дело.

– Эй!

...

– Прекратите это!

Надо было бежать, но Дэвид не думал об этом. Он искренне считал, что если он окликнет их, то они испугаются и убегут. Или устыдятся. И он шагнул вперед.

Ублюдки, перекинувшись несколькими фразами на похожем на итальянском языке – пошли навстречу, как волки, увидевшие новую цель.

Румыны, скорее всего. Или румынские цыгане, что одно

и то же.

– Дэвид... – сказала она.

– Беги за полицией, – бросил он, – а вы убирайтесь. Если не хотите...

– Иди-ка сюда, ублюдок...

Один из румын привычно схватил британского лоха, второй – пробежался по его карманам. В том, как они это делали, чувствовался немалый опыт и сноровка.

– Ого. Неплохая колода. Мужик, у тебя на карточках дневной лимит есть?

– А?

Она решила, что пора вмешаться. Несколько секунд ей потребовалось, чтобы осмотреться и оценить степень опасности. Ну и... не стоило вмешиваться с ходу... милому британскому джентльмену иногда тоже нужен урок, чтобы кое-что понять. Ей – жизнь преподавала куда более жестокие уроки.

– Отпустите его и проваливайте.

– Ого...

Ублюдок переключил внимание на нее. Он был выше ее, тяжелее и агрессивнее – и думал, что этого достаточно.

– А если не отпустим, что ты сделаешь?

Нож и разбитая бутылка... ну, что же...

Одним движением она закрутила сумочку так, чтобы полностью контролировать ее, и чтобы она защищала ее руку. Отправляясь волонтерствовать, она надела удобные, высокие, тяжелые ботинки «Доктор Мартенс» на шнуровке и это

было для нее сейчас большим плюсом. Тем более что впереди и сзади у нее были подковы – по моде.

– Что ты сделаешь, сучка?

Да самое простое...

Когда Ангел учил ее, он все время повторял – «жизнь – это не спорт». Лучше знать всего несколько приемов самообороны, но довести их до автоматизма. На улице нет запрещенных приемов и каждое действие должно отличаться максимальной эффективностью. Потому приемы, запрещенные в спорте, и есть те приемы, которые нужно отработать до автоматизма и использовать. Наконец, нападать нужно всегда неожиданно и без предупреждения, обрушивая на противника максимум своей ярости. Или не нападать вовсе.

Скользящим шагом – она сократила расстояние и провела самый простой прием – ударила противника в пах. Почему-то этого мало кто ждет, даже отправившиеся на дело бандиты. Может, дело в том, что многие занимались спортом, а там этот прием запрещен. Но это один из приемов «два в одном» – первый удар, и он же последний.

Прилетело хорошо. Бандит выронил нож, упал и, зажав пах руками, даже не заскулил... а запищал, как придавленная дверью мышь.

Второй.

Она разорвала расстояние – не делай того, чего от тебя ожидает противник.

В Великобритании – сложная ситуация с правом на само-

оборону – практически ничего нельзя. За выкидной нож – можно попасть в тюрьму. Оружием могут признать любую вещь, которая использовалась для самообороны – как-то раз осудили старушку, которая использовала скалку, чтобы прогнать пакистанца-грабителя... посчитали, что это расизм и шовинизм – когда старушка гонит скалкой молодого цветного ублюдка, забравшегося в ее дом. Но кое-что всё-таки было можно...

У нее всегда при себе были два металлических шара. Тяжелых, она использовала их для тренировок пальцев и кисти... очень удобно, разрабатывает суставы, а старение человека как раз с суставов и начинается. Сейчас в ее руке был один из таких шаров, и, не давая бандиту сократить расстояние – она бросила шар ему в голову, потом стремительно сблизилась и провела тот же самый удар в пах. Когда бандит упал, выронив битую бутылку – она добавила ему ногой по голове... нормально так получилось, с хрустом...

– Бежим!

Она схватила Дэвида за руку и потащила ее к машине. Дэвид, по крайней мере, не тормозил ее – в то время как эти двое еще долго не смогут встать. Одному, скорее всего, нужна будет помощь хирурга, второму – как бы не священника. При хорошем пинке в пах можно умереть от болевого шока...

Фургон был на месте, к счастью его не угнали. Кэба в таком месте, да еще и ночью – днем с огнем не найдешь.

– Залезай...

– Господи, Элис...

– Залезай, говорю...

Кое-как зафиксировав своего настоящего британского джентльмена в фургон – Морена дала по газам...

* * *

Дэвид пришел в себя через несколько минут... до этого он то молчал, то вдруг начинал бормотать что-то невнятное... Морена даже начала беспокоиться за его психику. Результат типичного европейского воспитания, когда детей еще в саду учат, если тебя бьют, то прими позу эмбриона. Но ей-то что делать.

– Так... стой. Останови, хорошо...

Она пожалала плечами, показала поворотник.

– Я чуть подальше проеду. Тут останавливаться нельзя.

Дэвид достал платок и начал вытирать лоб.

* * *

Место на стоянке нашлось – напротив был супермаркет ТЕСКО. Не лучшее место, написано – «Только для клиентов» – но пока сойдет.

– Тебя куда подбросить?

– Подожди...

Дэвид смотрел на нее в темноте машины – она чувствовала этот взгляд. Она всегда чувствовала, когда кто-то смотрит

на нее.

– Боже мой. Ты их...

– Не беспокойся за них. Одному придется в хоре теперь петь, но такое случается. Ненавижу ножи...

– Что это было? Я никогда такого не видел.

– Кик-боксинг. И крав-мага.

– Ты занимаешься крав-магой?

– Да, я же израильтянка.

– Израильтянка?! – Дэвид уже не знал, чему удивляться.

– Тебе это не нравится?

– Нет, нет... – поспешно сказал Дэвид – просто... Я думал, ты аргентинка.

– По отцу. По матери я израильтянка.

Израильский паспорт у нее был – с тех времен. Она про-
веряла – не аннулирован, все в порядке.

– Их же... было двое.

– Ну и что?

...

– Так тебя подвезти?

Ну же... давай.

– Постой...

– Что такое?

– Я... я должен как то отблагодарить вас...

– Тебя. В Израиле нет обращения на «вы».

– Хорошо... тебя.

Они помолчали

– Ты испугался?

– Немного... если честно.

Она улыбнулась.

– Неправда. Ты смелый.

Дэвид нервно усмехнулся.

– Да уж. Я в полной мере проявил свою смелость.

– Я серьезно. Когда ты увидел их, ты защитил меня. Встал между мной и ими. – Морена помолчала и солгала: – Для меня никто еще такого не делал...

* * *

«РейнджРовер Велюр» – идеальное транспортное средство, или, по крайней мере, близкое к таковому – она оставила на платной стоянке близ аэропорта Лондон-Сити – аэропорта, расположенного в центре Лондона и примечательного тем, что с него, например, летают члены Королевской семьи, если им надо куда-то лететь. С него же летают многочисленные бизнес-джеты, и «рейс № 1»: Лондон-Нью-Йорк. Раньше этот рейс выполнял Конкорд, теперь – специально переделанный Аэробус-319, изготовленный в нескольких экземплярах только для этого маршрута. Всего тридцать посадочных мест вместо ста пятидесяти и увеличенная дальность полета.

Дэвид летел чартером, вместе с топами нескольких других банков и крупными финансовыми воротилами этого города... раньше они все летели бы частными самолетами, но

сейчас на дворе не 2000 год, и экономят все, даже топы. Улыбка таможеннику и израильский паспорт – израильтянин никак не могли подозревать в терроризме – помогли ей пройти в посадочную зону, и когда Дэвид, уставший, чуть смурной, в своем безупречном костюме от Эндерсон энд Шепард⁸ появился в дверях терминала – она уже бежала к нему.

– Дэвид...

– Господи, Элис...

Он выпустил из рук пакет... кажется, там были швейцарские сладости... шоколад, чтобы противостоять нападению.

– Элис... люди же...

– Плевать.

Она поцеловала его и с вызывающим видом повернулась к группе джентльменов, которые в совокупности владели и управляли имуществом более чем на полтриллиона британских фунтов.

Первым оправился от изумления Гэри МакКлор, управляющий директор Королевского банка Шотландии.

– Надо же... – с кислой миной заявил он – оказывается, на свете еще существует любовь. Я перестал в это верить после развода. Только не помню, после какого по счету...

* * *

– Элис – решительно заявил Дэвид, когда они вырулили со

стоянки (она была за рулем) – пока мой развод не завершен, мы не должны быть столь... публичны.

– О, да. Типично британская мораль.

– Дело не в этом. Я бы не хотел травмировать Сашу. Ей и так непросто... из-за всего этого.

Сашей – звали дочь Дэвида. Ей было тринадцать.

– Хочешь, я скажу, что на самом деле ее травмирует?

...

– Неправда.

– Элис...

...

– Эта твоя израильская прямота. Так нельзя.

– Можно. Я поговорила с Сашей.

– Господи!

– Не веди себя так, как будто небо падает тебе на голову.

Мы теперь подруги в социальных сетях. Она сказала, что рада за тебя, что ты теперь не один. И написала, чтобы я хорошо заботилась о тебе. Иначе она меня убьет.

– Поверить не могу... – пробормотал граф

* * *

Еще только начиная отношения, они договорились не съезжаться, по крайней мере, до тех пор, пока они оба не будут к этому на сто процентов готовы. Дэвид, наверное, никогда не будет до конца готов... пока не будет готова она – а ей по многим причинам было удобно жить отдельно и в своей

квартире. Так что...

Но как любовник он ее более чем устраивал. Настоящий британский джентльмен, трогательно влюбленный в нее. Он ничего не хотел знать лишнего, все время пытался заботиться о ней, опекать. Он никогда не напивался вдрызг, ни разу не поднял на нее руку, они даже не поскандалили по-настоящему ни разу. Когда выдавалось свободное время, они садились в скоростной поезд или на самолет и летели куда-нибудь на континент, на уик-энд. Чаще всего в Париж, хотя за то время, пока длились их отношения – они побывали почти во всех столицах Европы. Просто гуляли по городу, как туристы, осматривали достопримечательности, музеи. Ей же – на континенте было легче связаться со своими кураторами из французских спецслужб и передать добытые ею материалы. В Лондоне – он мягко и ненавязчиво учил ее, как вести себя в обществе, куда ходить, где и во что одеваться, кому жертвовать...

Никакого сравнения с мужчинами из тех мест, где она родилась... жестокими, никчемными, не нашедшими себя в жизни или потерявшимися, поднимающими на женщин руку, трусливыми и лживыми...

После того, как Дэвид окончательно ушел из семьи – он оставил и старую квартиру в районе Челси. С ее помощью он купил приличную квартиру в новом, только что построенном доме с индексом W-8. Почтовые индексы были одной из фишек британской столицы, по ним определялась стоимость

жилья. Конечно – W-восемь это не то что W-три (Челси) или W-один-ка (Мейфер) или XW-один (Белгравия) – но тоже неплохо. В Мейфере и Белгравии – не было по-настоящему удобных домов, одно старье за совсем не смешные деньги. А в Кенсингтоне – велась стройка, и жилье можно было подобрать по-настоящему современное и удобное...

«РейнджРовер» медленно вполз на подземную парковку, она отпустила руль – автоматическая система сделает все сама.

– Ты выглядишь... каким-то невеселым, – констатировала она, – и дело вовсе не во мне и не в Саше. Что произошло?

Дэвид невесело усмехнулся:

– От тебя ничего не скроешь

– Я могу чем-то помочь?

– Наверное, нет...

Машина остановилась окончательно, мигнув рубином стопов в темноте.

– Элис...

Она уже взяла сумочку, чтобы выходить, но его голос заставил его остаться на месте.

– Что если мы уедем?

Это было неожиданно. Но она давно разучилась удивляться.

– Куда ты хочешь уехать?

– В Израиль.

– Почему именно туда?

Он посмотрел на нее.

– Есть тому причина.

– Послушай, Дэвид... – она стала рассудительной, спокойной и хладнокровной – Есть немало тех, кто считает, что дауншифтинг решит все их проблемы, но я никогда не думала...

– Это не дауншифтинг⁹, Элис.

– А что тогда?

– Есть то... с чем мне не справиться.

– Ты серьезно болен?

Он невесело улыбнулся.

– С чего ты взяла?

– Почти со всем остальным можно справиться.

– Это не так...

Она решительно толкнула дверь машины.

– Все ясно, пошли. Буду тебя реабилитировать...

* * *

С подземной парковки был лифт наверх, он активировался только карточкой доступа – для всех остальных был только холл со швейцаром. Карточка доступа была у Дэвида, он приложил ее – и лифт поехал наверх. Они молчали, понимая, что дома разговор продолжится, и он будет далеко не

таким простым, как хотелось бы.

Лифт мелодично звякнул, бесшумно откатилась в сторону дверь. На этаже было только две квартиры...

И когда этот тип – он не выглядел опасным, был прилично одет – шагнул им навстречу – она все сразу поняла. Это и есть – оно. То, ради чего ее подвели к Дэвиду, тот самый момент, когда нужно действовать. Адмирал ей ничего толком так и не сказал – но она поняла – вот оно. И почти мгновенно превратилась из подающей большие надежды молодой звезды Кэнери-Уорф в загнанного в угол хищника.

Морена действовала быстро, даже очень быстро – она махнула сумочкой перед собой, рассчитывая сбить его атаку и выиграть хотя бы пару секунд, но неизвестный был еще быстрее. Он выбросил вперед левую руку, и у Морены подкосились ноги, мир закружился перед глазами – и она упала.

Дэвид, потрясенный произошедшим, шагнул вперед и сделал, возможно, один из самых смелых поступков в своей жизни – он ударил неизвестного. Боксерский хук – достиг цели, но не сбил незнакомца с ног; тот провел ответный удар – прямой в солнечное сплетение, ничего хитрого – и англичанин упал рядом со своей подругой, хватая ртом воздух как выловленная из воды рыба.

Появились двое, оба молодые, на них была униформа службы доставки супермаркета Теско. С ними была большая коробка, такая большая, что в нее мог уместиться человек. Они вопросительно посмотрели на убийцу.

– Этого.

– А с этой что делать?

Убийца посмотрел на женщину, в нем шевельнулось что-то вроде жалости... в конце концов, она была виновата лишь в том, что видела его лицо. Но мир был жесток к нему всегда – и он не собирался быть к миру хоть чуточку добрее.

– Бросьте ее там, за шахту лифта. И пошевеливайтесь...

* * *

От удара – когда они бросили ее – Морена пришла в себя.

Больно почему то не было. Она понимала, что ранена, и ранена очень тяжело – но больно не было. В голове была какая-то пустота... она понимала, что мозг получает все меньше и меньше кислорода и если так будет продолжаться и дальше, она умрет.

Умрет...

А она не собиралась умирать.

Не шевелиться.

Он учил ее – при ранении, если ничего не можешь сделать, то, по крайней мере, не шевелись. Чем меньше ты будешь шевелиться, тем меньше будет кровопотеря. Человеческое тело обладает удивительными резервами, о которых мы даже не подозреваем, и в критической ситуации – возможно, оно сможет помочь себе само.

Но кое-что она еще могла сделать...

Сумочка была при ней, они не стали грабить ее. Слабею-

щей рукой она полезла в нее, нащупала телефон. Одним из того что он научил ее – было умение набирать номер вслепую, не вынимая телефон из кармана – иногда это нужно. И у нее был самый примитивный кнопочный телефон. Она набрала сто один и нажала вызов... мысли гасли, она могла теперь только надеяться и ждать...

Март 2022 года. Лондон, Англия.

Клиника Университетского колледжа Лондона

Серый «Форд Мондео» последней модели – припарковался на стоянке клиники, мигнул фарами. Из машины выбрались двое, один сорока с чем-то лет, невысокий, с жестким бобриком черных волос и суровым лицом армейского сержанта. Второй – выше на голову, моложе, с рыжими волосами и зелеными глазами. Вечером в баре он смахивал на Дэмиана Льюиса, к радости заглянувших пропустить стаканчик дам.

Второй и был за рулем – в их паре он всегда выполнял подчиненную работу, в то время как чертов старший инспектор Стрейд – был звездой чертовых таблоидов. Убедившись, что машина встала на охрану (в последнее время в городе был просто вал угонов) – он поспешил за своим наставником. Три ходки в Афганистан в составе отряда королевских морских пехотинцев – еще не дают необходимых навыков выживания на улицах Лондона.

Он догнал старшего инспектора уже в холле – тот, расклавшись с явно знакомой медсестрой, безошибочно направился к лифту

– Знаешь ее?

– Ага. Она меня штопала в свое время.

– И как заштопала? Удачно?

– Не завидуй, малыш. Пойдем-ка...

Так же безошибочно – старший инспектор прошел по коридору, постучался в дверь, на которой значилось

Ф.А. Стоун. Профессор, доктор медицины.

Инспектор постучал, и не дожидаясь разрешения— толкнул дверь.

Профессор Феликс Андре Стоун, наполовину англичанин, наполовину француз – был невысоким, худощавым, с короткой, мушкетерской бородкой и красивыми руками – его пальцы постоянно находились в движении как у карманника. Но больше двух тысяч подданных Ее Величества знали, как точны могут быть эти пальцы – профессор был специалистом по кардиохирургии, на его счету было несколько изобретений и новых методов лечения. Поговаривали, что одно из них – может в будущем, лет через десять – сделать профессора лауреатом премии Ласкера.

– Инспектор... не ожидал вас увидеть.

– Так уж и не ожидали.

– Ну...

Стрейд сразу перешел к делу – в таких случаях он действовал с грацией громилы.

– Что скажете про... Элис Фишер... она ведь у вас...

– Да... – профессор негромко хлопнул в ладоши – я опе-

рировал ее, не с самого, Правда, начала. Признаюсь, я начал думать о том, чтобы принять иврит.

– Вот как?

– Я не знаю, как она осталась жива. Нож задел сердце. К счастью, он оставался зафиксированным в ране, и она вовремя попала на операционный стол, нам удалось не допустить коллапса. Чудо, просто чудо.

Сержант Брайан Кёниг достал блокнот, открыл на свободной странице, протянул профессору.

– Не могли бы вы рассказать нам про нож?

– Что именно рассказать? Вы же изъяли его.

– Ну... вы имеете достаточно опыта и всякого повидали...

Профессор невесело усмехнулся.

– Это уж точно.

– Так что вы можете про него сказать? Про нож?

Профессор задумался

– Не армейский, как у неонацистов и прочих правых психов... что-то купленное в магазине, но очень серьезное. Если бы мне пришлось ... упаси Бог конечно... делать нечто подобное, я бы купил примерно такой же. Еще... если вы не заметили... он намотал посередине рукоятки располовиненную изоленту в несколько слоев. Чтобы был дополнительный упор, но чтобы при этом он не мешал перехвату ножа другим хватом... ну, знаете... примерно так.

Профессор показал перехват ножа на примере шариковой ручки

– То есть, он готовился к преступлению? Это не было актом спонтанного насилия?

– Безусловно.

– Удар был профессиональным?

– Несомненно. Тот, кого вы ищете – не хулиган, решивший ударить ножом кого-то, чтобы произвести впечатление на дружков.

– Тогда почему она жива?

Профессор пригладил короткую, седую бородку

– У жертвы довольно крупная грудь... она немного самортизировала удар. Кроме того... думаю, это просто божья воля, джентльмены. Еще бы немного – и ее не было бы в живых. Если бы нож не закрыл собой рану, если бы он немного пошевелился или мы приехали слишком поздно – она была бы мертва.

– Мы можем с ней поговорить? – спросил Стрейд

– Несколько минут, не больше. Она еще очень слаба...

* * *

Учитывая серьезность преступления, то, что преступники так и не были найдены, а так же некоторые другие обстоятельства – палата в университетском госпитале, где лежала Элис Фишер серьезно охранялись. Два сержанта, оба – из шестого отдела, группы дипломатической безопасности. С автоматическим оружием. Один стоял в начале коридора, другой – у самой палаты. На обоих были бронежилеты.

Оба – Стрейт и Кёниг – предъявили удостоверения, их просканировали мобильным сканером – и только потом их пустили в палату.

* * *

Сержант Кёниг в своей жизни видел много плохих вещей, намного больше, чем хороших. Он видел сослуживца, заживо сгоревшего в броневице и ребенка, которого он убил до того, как тот бросил в их машину самодельное взрывное устройство. Он видел, как выглядит квартал после минометного обстрела, и он видел, как выглядит их дом после того, как из него ушла жена. Шейла ушла между второй и третьими командировками. Сказала, что это не то, на что она рассчитывала. Кёниг ее понимал – мало кто рассчитывал на такое, особенно после затишья конца Холодной войны. Когда они готовились к первой ходке в Ирак – многие беспокоились, для всех ли там найдется работа. Некоторые из его сослуживцев не взяли бронепластины к своим жилетам. Им пришлось об этом пожалеть очень скоро – однажды, колонна не могла пробиться к ним трое суток, все это время их постоянно обстреливали. Басра, территория шиитов, а их блок стоял в месте, где удобно было переходить границу со стороны Ирана – и все добровольцы-басиджи неизбежно выходили на них. Они вели непрерывный бой восемьдесят девять часов.

Немало увидел он и здесь, за время службы в полиции.

Как один гомик убил своего «партнера» за измену, ткнув его ножом сто девятнадцать раз. Как несколько подонков из пакистанского квартала надругались над девушкой, а потом облили ее жидкостью для костра и подожгли. Как еще один подонок – беженец из Сомали пнул пожилую леди на входе в метро, так что она по всей лестнице прокатилась, а потом нагло ухмылялся в лицо полисменам. Сержант давно уже перестал чему-либо удивляться и почти потерял способность сопереживать.

Но тут его поразила красота пострадавшей... еще более отчетливо заметная на фоне медицинского оборудования и белых простыней. Лилейно-белая кожа, темные волосы и потрясающие серо-зеленые глаза. Сержант помнил записи из рекорда, знал, что ей около тридцати – но на тридцать она не выглядела.

И какой-то подонок встретил ее на лестничной площадке и ударил в грудь ножом длиной шесть дюймов...

– Мэм.

Она кивнула в знак того что слышит.

– Я старший инспектор Стрейт, а это сержант Кёниг. Скотланд-Ярд, отдел особо тяжких преступлений. Мы бы хотели поговорить с вами о произошедшем, если вы не против.

Она кивнула.

– Мэм, вы знаете того кто на вас напал? Видели его раньше?

Она помотала головой.

– Почему на вас напали?

Она помотала головой.

– Сколько их было?

Она показала три пальца.

– Вы запомнили кого-то из них?

Она помотала головой.

– Может, запомнили что-то?

Она снова помотала головой.

– Отдыхайте, мэм, – внезапно вмешался Кёниг – мы придем позже. Выздоровливайте.

* * *

– Что думаешь? – спросил инспектор Стрейд, когда их «Мондео» выкатывался со стоянки госпиталя

– Думаю, мы пустили в страну слишком много людей, которых тут не должно быть, твою мать...

– Да? А я думаю, что она врет.

– С чего ты взял?

– По глазам увидел.

– Ну, да, эти твои психологические теории.

– Нет, серьезно, малыш. Я много повидал, и ложь чую за милю. Она не солгала, когда отвечала на вопрос, знает ли она нападавших – не знает. Но вот почему на них напали – готов держать пари, она знает. Или подозревает.

– И что дальше?

– Да ничего. Надо бы в ее прошлом покопаться, да времени нет. На нас будут давить. Начальству нужен арест.

– Еще бы. Дальнего родственника королевы вывезли за город и освеживали как свинью. Это не шутки.

– Ты это заметил? А вот я бы задался вопросом, как получилось так, что сломались камеры сразу в трех местах, и в здании не работала система видеонаблюдения. И как они вообще проникли в здание – а главное, как они сумели вывезти нашего лорда, и никто ничего не заметил. Вот вопрос.

– У меня остался знакомый парень в армии, он специалист по РЭБ.

– Это еще что за хрень?

– Радиоэлектронная борьба. Я попрошу его взглянуть на систему безопасности дома.

– Попроси.

Инспектор достал никотиновую жвачку, бросил в рот

– Что-то мне подсказывает, что это не банда подонков, решивших убить человека, потому что им нечего делать. А что-то серьезное. И мы не найдем этого типа. А если и найдем, то осудить его не сможем...

Кёниг про себя решил, что если они выйдут на ублюдков, которые это сделали, все будет немного по-другому. Не будет никаких адвокатов, психологов и прочей хрени. Он не будет брать их живыми. Просто пристрелит ублюдков при малейшей к тому возможности. Все что им светит – похороны за государственный счет.

Любите играть с ножом, подонки? Это вам дорого обойдется.

Год спустя. Март 2023 года. Испания, точные координаты неизвестны. Центр подготовки полицейских частей особого назначения

Упражнение номер один.

Исходное положение – сидя, спиной к мишеням. Оружие – револьвер Ругер. По команде «контакт» – необходимо поразить от двух до пяти мишеней, уклонившись от ответного огня. Мишени – живые люди, это инструкторы жандармерии, расположенные в произвольном порядке, в крытой 50-метровой галерее тренировочного центра жандармерии – и у них тоже револьверы. Револьверы нужны, потому что они не зависят от отдачи и прекрасно работают на патронах с восковыми наконечниками вместо пуль. Но если такая восковая пуля попадет – все равно, очень больно, по незащищенной коже – будет разрыв и чертовски болезненная рана. Усложнение задания – инструктор может внезапно выключить свет или наоборот, включить на всю мощь, бросить гранату светошумовую или со слезоточивым газом.

Шансов пройти это упражнение практически нет, потому что если даже в тебя попадут – ты все равно прошел. Анализируется скорость реакции, умение уклоняться от пуль, моторика тела. Вообще, GEO довольно наплевательски относится к безопасности, здесь одно время было упражнение, в котором стреляли друг по другу боевыми¹⁰. Упражнение назы-

валось «доверие», надо было попасть в бронежилет – хотя можно было попасть в руку или в ногу или в голову пулей 357 магнум. Видимо, это позаимствовали у французов, заклятых врагов-друзей.

Но она серьезно рассчитывает на успех – если противников будет не больше троих. Краем глаза она видит одного из инструкторов, у того – тоже короткий Ругер Спид Сикс. Она замирает, вслушивается в шаги – ей надо понять, кто и где встанет.

Этот – правее, метров десять. Они явно ожидают стандартного – что она упадет и покатится вдоль линии огня.

Хрен вам.

Второй прямо за ним. Третий...

Зуммер!

Рывок!

Никто не ожидал того, что она сделает – она со всех сил толкнулась ногами и опрокинула стул назад, падая на спину. Продолжая движение, она сделала еще один полный кувырок, оказавшись совсем не там, где ждали ее противостоящие ей стрелки. Выстрел... первый поднимает руки... еще кувырок... выстрел, выстрел, выстрел...

Сирена.

– Твою мать... – не сдержался один из инструкторов полицейского спецназа.

Левое стекло его очков – все залеплено воском...

Она встает. Ноет спина, предательски ноет то место, где

была рана – но она рада. В нее не попали.

А она убила всех.

* * *

Упражнение номер два.

Исходное положение – в начале штурмового коридора. Оружие – автомат НК 237 под патрон 300 blackout – испанский полицейский спецназ перешел на этот патрон одним из первых в Европе. По команде «вперед» – необходимо зачистить несколько помещений с террористами, причем обстановка внутри помещений произвольно меняется за счет легких перегородок. Усложнение задания – инструктор опять может внезапно выключить свет или наоборот, включить на всю мощь, бросить гранату светошумовую или со слезоточивым газом.

– Готовность!

Морена, уже в полной боевой экипировке – подняла большой палец.

Зуммер!

Сильный пинок по двери – в районе замка – и из двери короткая очередь по открывшемуся противнику. Внутрь – сразу влево, два одиночных, и третий – в самый угол.

– Чисто!

Такие упражнения не делают в одиночку. Но такие упражнения делают по раз и навсегда затвержденной методике, и если ты зачистил комнату – необходимо дать знать тем, кто

идет за тобой.

Вторая комната.

И в этот момент – становится темно.

Заминка на секунду – надеть монокуляр ночного видения – и снова вперед. Снова пинок по двери – не поддается. Взрывчатка...

– Огонь!

Хлопок – внутрь!

Снова грохот выстрелов. За столом сидит человек – живой человек! Ее не предупредили! Два террориста мертвы, она проходит дальше. Инструктор, сидящий на линии огня – криво усмехается и показывает большой палец.

Да пошел ты...

Пинок – и к ужасу она оказывается в наполненном детьми классе! Дети! За партами, кто-то тянет руку, кто-то смеется... детский смех. Учительница оборачивается... она в последний момент понимает, что перед ней отлично сделанный манекен. Где?! А вон! Одиночный – и террорист в углу отплевывается в преисподнюю.

Кто-то наклеил террористу симпатичную бороду.

* * *

Упражнение номер три.

Исходное положение – в начале специальной полосы. Оружие – автоматическая винтовка НК417 с оптическим прицелом и глушителем. По команде «вперед» – необходимо под-

няться по канату на двадцатиметровую высоту, взять винтовку, поразить несколько целей на неизвестной дистанции. Затем взять винтовку, спуститься с ней вниз и пробежать около километра, преодолевая препятствия и поражая цели с трех рубежей открытия огня. Цели – не просто бумажные мишени, а манекены из магазина, на которые наклеены портреты реальных террористов, известных НАТО – и это не общеизвестные типы, такие как Бен Ладен. Помимо террористов, на манекенах есть и другие лица, которые разведке неизвестны – и по ним стрелять нельзя. Выстрел по невиновному – оценивается штрафными очками.

– Стоять!

Инструктор жандармерии ухмыляется.

– Неплохо выглядите, сеньорита. Решили, что можете делать мужскую работу? Пятьдесят отжиманий.

Ублюдок чертов.

– Громче считай...

– Семь! Восемь!

Кровь стучит в висках

– Громче!

– Да пошел ты! Двадцать!

На тридцать первом инструктор вдруг орет.

– Вперед! На позицию вперед!

Вперед. Толстый манильский трос, за который цепляешься из последних сил. Сорванное дыхание...

Плевать.

Вышка... вот она. Еще раз подтянуться... все.

Винтовка уже тут. Стоит на сошках. Быстро... позиция...
успокоить дыхание...

Первый...

Вон тот, у машины. Пофиг на рожу – держит автомат.

Палец жмет на спуск. Щелчок.

Ублюдки. Инструкторы решили подшутить – подсунули
негодный патрон. Отсоединить магазин, очистить оружие,
присоединить, передернуть.

Прицелиться.

Выстрел. Второй. Третий.

Еще?

Четвертый.

Все, похоже.

Винтовку за спину – вниз. Саднят сорванные руки, болит
все тело... плевать. Теперь к полосе препятствий. Как только
она добежит до нее – открывает огонь пулемет. Пули свистят
совсем рядом, заставляя ползти в грязной канаве от укрытия
к укрытию.

Стрелковая!

Влепить тебе, ублюдок?

Рядом с позицией стрелка – мишень. Пуля попадает – и
автомат затыкается...

И снова – ползком. Внезапно грязь впереди загорается,
снова гремят автоматные очереди. Плевать!

Сквозь грязь, сквозь огонь – плевать. Она знает, кто на

это смотрит.

И выложится на все сто.

* * *

– Как тебе?

Генеральный комиссар полиции Испании, куратор специальных антитеррористических сил – это третье по старшинству звание, выше только директор по операциям (первый замминистра) и генеральный субдиректор (замминистра) только качает головой

– Это твоя дочь?

– Именно.

– Знаешь... иногда мне хочется тебя замочить... ты тот еще тип...

...

– Теперь я точно знаю, почему этого делать не следует.

Адмирал смеется, старым, каркающим смехом

– Пошли. Она покажет еще один фокус в тире. Могу поставить бутылку лучшего вина, что никто из твоих парней не повторит подобного.

– Поставь лучше свой прошлогодний кубок. За лучшего марлина года.

– Да пошел ты...

* * *

Тир совсем рядом. Тот самый, где только что проходи-

ло первое упражнение. Инструкторы жандармерии еще не ушли, они с интересом смотрят на худенькую, довольно легко одетую девушку. Они явно не ожидали увидеть того, что она смогла им показать.

Она снимает туфли – для большей устойчивости. Чертовые туфли на каблуках, копыта – она никогда не любила их, по возможности, носила удобные кроссовки, но сегодня надела – чтобы не выбиваться из образа.

– Хронометр есть?

Адмирал делает знак, подходит один из инструкторов. Перекинувшись парой слов, достает хронометр, типичным жестом судьи¹¹ прячет за спину.

Сигнал!

Никто даже не понял, что произошло. Нескончаемый гром выстрелов, катящиеся по полу гильзы – она приняла устойчивую позицию стрелка, удерживая пистолет обеими руками – но выстрелы уже были сделаны.

* * *

Сегодня ее пистолет был на поясе – она потому всегда носила куртку или пиджак. Глок-19, банальный до невозможности, но от этого не становящийся менее пригодным для дела – Глок потому и занимает до шестидесяти процентов рынка в некоторых странах, потому что ничего другого и не

¹¹ Судьи спортивного матча по пистолетной стрельбе. Хронометр прячут за спину чтобы не сбить показания случайным звуком. Выстрел он и так уловит.

нужно, он почти идеален. Глок покоился справа в специальной кобуре от ДеСантиса – дорогой, сделанной по индивидуальному заказу вместе со всем остальным снаряжением. Де Сантис использует для формовки кобур лучшую кожу и не болванки – а настоящее оружие, до нулевых агенты Секретной Службы США имели снаряжение только от Де Сантиса. Сейчас многие перешли на современные материалы, используют кобуры из кайдекса – но толстая воловья кожа и индивидуальная формовка под твой пистолет – все же лучшее...

И стрелять она умела. Прием, который она использовала, был схож с японским искусством иай-дзюцу – выхватывание меча с мгновенным нанесением удара на выхвате. Это искусство появилось давно, когда на одного молодого самурая пала месть за отца. Он понимал, что его противник старше, сильнее и опытнее и в кен-дзюцу – бое на мечах – у него почти нет шансов. Тогда он начал тренировать один единственный прием – выхватывание меча с немедленным нанесением удара без замаха. И через год – он победил: противник был зарублен, не успев даже принять начальную стойку.

Ангел учил ее тому же – не ввязываясь в перестрелку, стреляй всегда первой и быстрее, чем другие. Первый выстрел – и он же последний. Потому она до автоматизма отработала нетипичный для современных пистолетных школ прием стрельбы от бедра, без прицеливания, на выхвате. В этом приеме все противоречило тому, чему учат в полицейских школах – стрельба навскидку, с доворотом пистолета

кистью руки – по классике кисть должна быть полностью неподвижной и только в одном положении. Но это – отголосок влияния на боевые школы школ спортивных, прежде всего IPSC. Из спорта перешло много приемов и навыков, в том числе и вредных для боевой стрельбы.

Но Ангел учил ее не спорту. Он учил ее совсем другому. Мужчины смотрели на нее. Она показала, что контролирует обстановку и готова уже стрелять прицельно. Затем убрала пистолет в кобуру.

Все молчали. Потом один из инструкторов – сходил за мишенями, принес их и разложил на столе. Все подошли ближе.

– Ты дважды не попала в зону А – наконец сказал один из них.

Морена улыбнулась

– Но попала. Время?

– Один и три.

– Это много. У меня удавалось выходить из секунды. За секунду с небольшим я поразила пять целей. Пулевое ранение есть пулевое ранение, оно исключает ответные действия как минимум несколько секунд. Поразив все цели, у меня будет возможность оценить обстановку, занять укрытие и стрелять уже прицельно.

Инструкторы молчали.

* * *

Два человека – ждали ее у машины. Один в адмиральском

звании, другой – генеральный комиссар полиции.

– Кто ее этому научил? – спросил генеральный комиссар, прикуривая сигарету. Он был в свое время командиром GEO. А еще раньше, в начале 90-ых – он, будучи еще совсем молодым, надел форму почтальона и постучал в дверь дома в одном из пригородов Гамбурга. Когда дверь открыли – это был один из видных оппозиционеров – он достал из сумки почтальона Инграм и выпустил тридцать пуль. Убийство списали на третье поколение группы Баадер-Майнхофф, а его свои теперь звали «эль картеро», почтальон.

– Неважно. Ты видел ее выступление? Что скажешь?

Комиссар затаился. Выпустил дым.

– В основе школа ФБР тридцатых годов и наработки Фэрберна. Но доработанные и сильно. И ... она ведь никогда не работала в полиции, так?

– Допустим. Как ты понял?

– Ее школа. Я первый раз такое вижу. Она не спортсменка и ее не учили защищать порядок с пистолетом в руках. Ее техника – нацелена на максимально быстрое и эффективное убийство. Тот, кто ее учил – учил ее убивать.

Адмирал тоже закурил.

– Как думаешь, на улице – она справится?

– Безусловно. Ни один полицейский не подготовлен к такому. Типичный полицейский будет поднимать пистолет на уровень глаз, целиться, выкрикнет предупреждение. Точнее выкрикнуть он не успеет, потому что будет к тому времени

мертв. Она может поразить сразу несколько целей, прежде чем кто-то поймет, с кем он имеет дело. Добавить к этому ее милую внешность – и перед нами настоящий ангел смерти. Про бандитов я не говорю – большинство достает пистолет, чтобы бессмысленно трясти им, произнося речи в стиле гангста-рэпа. Они и понять ничего не успеют.

Генеральный комиссар раздавил окурок пальцами.

– К ней будет доступ? Мне бы хотелось, чтобы она описала эту технику и возможно, провела пару занятий.

– Извини, нет. Но когда мы поедем – похвали ее. Это для нее очень важно.

– Я понимаю.

Оба они командовали людьми и знали, как много иногда значит вовремя похвалить – пусть иногда и не заслуженно.

Но в данном случае было заслуженно.

Испания. Северный Мадрид.

Паласио де Сарсуэла.

Несколько дней спустя

Королевский дворец Бурбонов (Паласио реаль де Мадрид или Паласио Ориенте – Восточный дворец) считается самым крупным европейским дворцовым комплексом из ныне действующих. Он был построен по приказу короля Филиппа V, первого из Бурбонов, правившего Испанией в середине XVII века в пику Версалью. Основой послужила старинная мусульманская крепость. Так как королевский дворец располагался в черте города, а не был вынесен за город как Версаль – того же простора добиться не удалось. Тем не менее, это была официальная резиденция Бурбонов до их падения и времен Республики, которые закончились гражданской войной.

Здесь проводятся театрализованные смены караула, сюда приходят туристы, сюда можете прийти и вы, если заплатите за билет – но мало кто знает, что испанская королевская резиденция находится совсем в другом месте.

Король Хуан Карлос I после восстановления монархии не пожелал заселяться во дворец, ставший свидетелем упадка и гибели династии его предков – а выбрал под свою резиденцию разрушенный гражданской войной охотничий до-

мик Паласио де Сарсуэла в холмах на севере. Сейчас это уже Мадрид, город разрастается – но тогда была еще провинция. В Королевском дворце король практически не появляется...

Адмирал де Сантьяго знал, когда у нее был день рождения – настоящий, а не тот, что записан в паспорте. И когда этот день настал, адмирал повез ее в бывший охотничий домик, чтобы представить Королю. Такой подарок мог сделать только он – конфидент королей, тайный солдат Короны, хранитель Первой линии – памяти о кровавом прошлом, о крови пролитой ради того, чтобы у Испании было будущее.

Сам замок был неприметен – но лишь внешне, Морена оценила подлинные размеры дворцового комплекса только лишь, когда попала туда. Сам по себе дом был на холме, и для тех, кто в него заходил, не было видно всех остальных построек, которыми был застроен обратный склон холма. А так же и подземных этажей комплекса.

– Сначала зайдем к старому королю – сказал адмирал, когда их машину досматривал наряд королевской стражи, – это немного против этикета, но полагаю, Его Величество поймет это маленькое отступление.

– Но... что мне говорить?

– Что хочешь.

– Я же не готова.

Адмирал подмигнул

– Могу тебя уверить, король тоже не готов к встрече с такой красавицей. А он, доложу тебе, в прошлом был тот еще

дон Жуан. Ты же из Аргентины. Расскажи ему про Аргентину, король обожает такие рассказы.

– Но что я могу ему рассказать?

– Что хочешь.

Как примерная подданная, Алиса знала некоторые вещи. Что, например, в Испании есть два короля – Хуан Карлос I, вопреки бытующему мнению, не отрекся, он как бы король на покое – а есть действующий король, его сын. Но право на титулование «Его Величество» имеют право оба монарха, и сын, и отец. Что испанский король, несмотря на то, что монархия является конституционной – обладает намного большими правами чем, к примеру, британский монарх: испанский король, является главнокомандующим испанских вооруженных сил и на деле выполняет эти обязанности. Или Король имеет право распустить парламент и назначить досрочные выборы в случае политического кризиса – и реально пользуется этим правом.

Машина притормозила у первого КПП, адмирала здесь знали, потому пропустили. Дорога шла в гору, дворец располагался на самой вершине холма, дорога была довольно узкой и петляла.

– Присматривайся, – вдруг сказал адмирал.

– К чему?

– Ко всему. Потом скажу, зачем...

Морена насторожилась...

Джип адмирала – он был сам за рулем и ездил на «Нис-

сан-Патруль» новой модели – остановился у самой вершины холма. Там была стоянка, небольшая, всего на несколько машин.

– Что у тебя есть, оставь здесь. Там это не нужно.

Морена помедлила, потом достала ручку с титановым корпусом и положила в подстаканник...

– Теперь пошли...

* * *

Как оказалось – здание дворца было выстроено искусно и очень необычно. Вряд ли где-то можно найти другой такой дворец... потайной дворец.

С той стороны, откуда они подъезжали, дворец представлялся не более чем скромным одноэтажным каменным зданием, даже без дворцового парка. Ограда, камни, нет ни флагштока, ни вспомогательных помещений. И если только посмотреть на дворец с другой стороны, становится ясна задумка архитекторов – со стороны парадного входа вы видите только верхний этаж и крышу, они на самой вершине, а все остальное – с другой стороны холма...

Такой потайной дворец, построенный на месте разрушенного во время Гражданской войны охотничьего домика.

Их проверили – раз, потом еще раз. Потом они пошли по какой-то галерее... Испанская архитектура славится своими галереями... Дальше был вид на долину, на Мадрид...

Обстановка во дворце не была парадной, все было не

очень дорого и скромно – хотя и без казенности правительственного учреждения. Морена подумала, что в той стране, где она родилась и выросла, и про которую не хотела никогда вспоминать – один из президентов выстроил на своем участке точную копию Белого дома. И пристроил к ней церковь, где на иконах был написан он сам. Бог-отец, Бог-сын и Святой дух...

Они перешли в другую галерею, навстречу им попался человек в военной форме. Морена думала, что они пройдут мимо – но адмирал поклонился и остановился.

– Ваше Величество...

У нее дрогнули колени. Она знала, что в Испании монархия, и что где-то есть король, королевская семья, принцы. Но одно дело знать, а другое дело понимать, что вот этот офицер напротив тебя – Его Величество Король.

– О... – Король не сразу сфокусировал взгляд, – вас-то я и искал...

Внезапно его взгляд остановился на Морене... Кажется, он пару секунд не знал, что делать, потом машинально выпрямился, как, будто принимая армейский парад...

– Сеньор адмирал...

– Ваше Величество... позвольте представить Вам мою дочь Элис...

– И вашу верную подданную, – вдруг вырвалось у Алисы. Король улыбнулся.

* * *

Его Величество, Хуан Карлос II, подтянутый офицер Гвардии лет пятидесяти – был чем-то похож на Георгия... даже очень похож. Он был само очарование, он не обратил внимания на неуклюжие манеры Алисы и ее незнание придворного этикета и пригласил остаться на ранний ужин. А вот его супруга, появившаяся откуда-то из помещений дворца – бросила на Алису нехороший взгляд – злой и одновременно оценивающий. Конечно, Морена ни о чем таком не думала... возможно Ее Величество почувствовала угрозу. Учитывая ее прошлое – известная тележурналистка, в пятнадцать лет начала спать со своим школьным преподавателем, сейчас это ее второй брак – Ее Величество не была склонна уступать мужа посторонней женщине хотя бы на секунду-другую.

Она успела познакомиться и с отцом правящего монарха, тоже Королем. Его Величество Хуан Карлос I де Бурбон, человек удивительной судьбы, сын дона Хуана де Бурбона и Баттенберга, рожденный в фашистском Риме в 1938 г., у третьего сына изгнанного из Испании Альфонсо XIII и принцессы Марии Мерседес де Бурбон и Орлеан. Его отец придерживался демократических взглядов и даже поддерживал Республику, хотя та свергла (но не убила) его отца. Потому его и выбрал дон Франсиско Паулино Эрменехильдо Тебдуло Фрэнко Баамонде, генералисимус и диктатор Испании. Дон Франсиско хотел, чтобы после его смерти Испания вновь

стала монархией, и потому с юных лет воспитывал принца, как своего преемника. И после своей смерти власть перешла к Хуану Карлосу I де Бурбону.

Только молодой принц не оправдал надежд фалангистов – он отправил в отставку правительство крайне правых и начал проводить демократические реформы. Он не дрогнул и тогда, когда в 1981 году франкисты подняли мятеж. Это тогда генеральный секретарь Компартии Испании Сантьяго Карильо, когда путч был уже подавлен, публично воскликнул: «Боже, храни Короля!»

И вот сейчас этот человек, сохранивший, несмотря на годы острый ум – спокойно доживал свои дни во дворце. Он принял расколотую, озлобленную, запутавшуюся в прошлом страну – а передал сыну страну – одного из лидеров Евросоюза, страну, активно восстанавливающую связи с Латинской Америкой даже вопреки неодобрению США, страной, паспорт которой один из самых ценных в мире...

Она представилась и старому Королю. Старый Король спустился к ужину, ей хотелось бы думать, что хоть немножечко – и ради нее. За ужином – Король много расспрашивал про Аргентину, причем она в какой-то момент поняла, что это не светская беседа: Король хочет знать, как его бывшее суверенное владение попало в такое бедственное положение и чем он может помочь¹².

¹² Для справки – недавно Аргентина была названа страной с самыми огромными неиспользуемыми экономическими возможностями в мире.

Только мы – расстреляли своих монархов. Потом потеряли страну. И нам уже никто не сможет помочь.

Но в целом – на ужине она увидела дружную, совсем не высокомерную семью... Какое-то тепло было в этом доме, и она с грустью подумала, что ей это – не светит.

Когда убрали со стола, она вопросительно взглянула на своего приемного отца – не пора ехать? Но он отрицательно покачал головой

– Мы остаемся.

– Вот как?

– Ты здесь на несколько дней.

Адмирал понизил голос

– Я хочу знать, как людей, живущих здесь, можно убить.

Морене показалось, что она ослышалась

– Прости?

– Появилась информация, что Его Величество хотят убить. Я хочу, чтобы ты оценила уровень охраны изнутри. Нашла слабые места.

– Но кто?!

– Есть люди.

Адмирал помолчал, потом продолжил

– В игре, в которую мы вынуждены играть – ставка одна: жизнь

– Националисты? Баски?

Адмирал горько улыбнулся

– Если бы. Это кучка футбольных хулиганов...

...

– Как ты думаешь, почему Король расспрашивал тебя про Аргентину?

– Он хочет... помочь.

– Возможно. Только плата за это – смерть.

...

– Весь латиноамериканский континент – зона постоянного и враждебного американского вмешательства. Ни одна страна так и не смогла стать лидером этого мира. Аргентина была ближе всех к этому, потому американцы и разрушили там все. Мы единственные, кто может это изменить. Но цена за это...

– Но я слышала, Его Величество в Мексике не слишком хорошо принимали.

– Это провокация американцев. Одна из. Они 200 лет играли в эти игры у себя на заднем дворе. Воспитали целые поколения политиков, пропитанных духом национализма. Они помнят о том, что испанцы издевались над ними триста лет назад – но не видят, что американцы издеваются над ними прямо сейчас. Унижения в прошлом для них важнее, чем унижения, которые они испытывают прямо сейчас. Любой проект общности испаноязычного мира – на тех же принципах, что объединен мир англоязычный – будет подавлен любыми способами, в том числе и отвратительно грязными.

Адмирал помолчал.

– Не так уж и давно вышла компьютерная игра. Call of

Duty: Black Ops II. Знаешь что-нибудь о ней?

– Я не играю в игры.

– В этой игре Америке противостоит фронт латиноамериканских стран, объединенных вместе. По странному стечению обстоятельств, игра вышла примерно в то самое время, когда у нас появились далеко идущие планы. Возможно, кто-то хотел нас предупредить таким вот странным способом. А возможно – те два покушения на Его Величество, которые нам удалось предотвратить – новые предупреждения.

Морена посмотрела на стены дворца совсем другим взглядом. Не каждый видел у нее такой взгляд. А из тех, кто видел – не каждый уцелел.

– Хорошо... папа. Я все поняла.

Валье-де-Ордеса. Испанские Пиренеи. Несколько недель спустя

Самый главный противник – ты сама. Перебори себя – и ты сможешь победить и других.

Боль – твой союзник. Боль подсказывает тебе, что ты еще жива.

Голод, страх, холод – твои союзники, они заставляют тебя действовать, принимать решения.

Ничего в этой жизни не дается без боя.

Тропа – узкая, огороженная канатом, сейчас безлюдная – шла через горы. Но она знала, что не имеет права сойти на тропу. Ее заметят.

Вместо этого она вслушивалась в ночную тишину как испуганная охотниками лисичка.

В Латинской Америке, кстати, тоже обитают лисы – есть андская лисица, есть южноамериканская или серый зорро. Местные жители так зовут лис – зорро. Очень красиво – зорро. Зорро.

Она несколько раз повторила это про себя – индейцы Латинской Америки верят в то, что так ты вызываешь дух животного, который может помочь тебе. Главное – правильно назвать животное...

Над горами давно сгустилась ночь, в долине светились огоньки небольшого городка, одинокого форпоста цивилизации в этих местах – там почти все уже легли спать, только гостиница еще бодрствует. Но ей для того, чтобы дойти до гор, придется преодолеть больше двух километров по враждебной, незнакомой местности. К тому же есть люди, которые ловят ее, которые не хотят, чтобы она добралась до города.

Городская жизнь не учит такому. Ее опыт жительницы Одессы, Парижа, Буэнос-Айреса, Лондона ничем не мог ей помочь. Но был еще Барилоче. Леса в горах, тропинки летом и горнолыжные трассы зимой. Там она играла в такие игры и запомнила, как это. И сейчас – тело вспоминало навыки... ноги – как бесшумно ступать, руки – как отводить в сторону ветки кустарников так, чтобы они не хрустнули и не выдали ее, тело – как прятаться за деревья, сливаться с камнями, глаза – как видеть в темноте. Она прошла хорошую школу. Те, кто ее ловил, не знали об этом и не воспринимали ее всерьез. Потому и обречены были проиграть.

Когда-то давно она так же пряталась в лесу. Георгий – набрал полные карманы камешков и дал то же сделать ей. Правила игры просты – попасть по партнеру – сопернику камешком, осалить его тем самым, – а затем убежать, чтобы не получить камень в ответ. Сначала она проигрывала раз за разом, зло кусая губы, чтобы не заплакать. Затем научилась давать сдачи. Затем научи-

лась побеждать.

Снова голоса. Они на тропе. Если бы у нее был автомат – им всем сейчас пришел бы конец...

* * *

– Наш старик совсем спятил...

– Немного уважения, Мигель. Этот человек сражался за страну, когда тебя еще и на свете не было.

– Да, но это полный бред. Какого черта мы должны ползать по горам и искать эту чикиту? Она и правда его дочь?

– Не спрашивай. А что касается зачем... ты ее нашел?

– Нет.

– А почему?

– Пиф-паф, – прозвучало откуда-то справа.

Гвардейцы бросились на землю – это было вбитым в подкорку инстинктом. Старший замер, вслушиваясь в тишину.

– Херальдо, внимание вправо...

Один из гвардейцев достал монокуляр – тепловизор и начал осматривать склон

– Ничего, синьор...

– Синьоры...

Сверху, по тропе – к ним скатился средних размеров камень. При других обстоятельствах это могла бы быть граната...

* * *

Испанские Пиренеи – это место, где не встретишь толпы

туристов. Зато тут можно встретить кое-кого намного более опасного – и поплатиться жизнью за эту встречу.

Эти места, граница с Францией, север страны – никогда не были спокойными. В начале XIX века через эти горы перешли непобедимые части Наполеоновской армии чтобы захватить Испанию – испанский народ второй после русского, который оказал французам столь жестокое и всеобщее сопротивление. В 30-е – через эти горы уходили аристократы – потомков их и сейчас немало во французских приграничных департаментах, затем через эти горы шли коммунисты со всего мира на поддержку сражающейся Испании, затем через эти горы уходили остатки частей разбитой республиканской армии, затем, до 50-х здесь сражались партизаны, затем – баскские сепаратисты и спецслужбы устраивали друг на друга кровавую охоту. Маленькие городки, величественные Пиренейские горы, головокружительные серпантинны, козы тропы – становились свидетелями десятков, сотен кровавых трагедий, которые сопровождали эту землю в XX веке – но они молчали. Они умели молчать – как партизаны в подвалах Главного управления безопасности...

Но и теперь в Пиренеях не было безопасно. Барселона заговорила о независимости, снова заволновалась Баскония, придурки из Кортесов решили перезахоронить Генералиссимуса – и снова в горах появились группы молчаливых молодых людей, старающиеся никому не показываться на глаза.

Бункер¹³ снова выходил на тропу войны.

* * *

Два пикапа, в кузове которых сидели люди – остановились у порога горного апарта-отеля. Был не сезон – и хозяин очень обрадовался тому, что кто-то решил снять отель на две недели целиком. Он даже воспользовался предложением на это время навестить внуков на Юге.

Люди выбрались из кузова, все они были в камуфляже, у всех за спиной чехлы. Их встречал худой, высокий старик с ястребиным взглядом и продубленной временем, солнцем и морским ветром кожей. Он был опытным командиром и сразу понял результат ночного рейда.

– Лейтенант Херальдо, ко мне.

Один из прибывших, печатая шаг, подошел.

– Вы никуда не годитесь. Вы слабаки. Вас победила женщина.

– Да, синьор адмирал.

– Позаботьтесь о том, чтобы за оставшееся время ваша команда превратилась во что-то стоящее. Мне стыдно смотреть на испанских мужчин, стоящих передо мной. Вы не гордые потомки кабальеро, вы непонятно кто.

– Да, синьор адмирал

– Идите.

Единственная в группе девушка подошла к грубо сложен-

ной из камня веранде, на которой стоял адмирал

– Может, зря ты так с ними, папа? Они старались.

– Это ничего не значит, – оборвал адмирал. – Для мужчины имеет значение только победа. Урок пойдет им на пользу. Пошли.

Она подумала, заходя за ним в дом, как легко получается называть его «папой». Когда она притащилась к нему, раненая, проигравшая – он принял ее, как отец, поселил в своем доме, но главное – помог ей подняться на ноги. И кто теперь для нее отец – если не он?

* * *

– Ты нашла ту пещерку?

Морена кивнула.

– Да, нашла. Без нее они нашли бы меня.

– Вот и отлично, – адмирал подмигнул, у него пошаливало здоровье, но он по-прежнему был бодр. – Только не говори никому. Пока я не умру.

– Я там еще кое-что нашла...

Морена достала сверток.

– Я подумала...

– Пошли, – решительно сказал адмирал.

– Куда?

– Иди за мной.

Они вышли на террасу... Водопадик был совсем рядом, мелкие брызги долетали до них, дубовый пол был мокрый.

– Выбрось...

...

– Выбрось, говорю.

Морена послушалась. Сверток мелькнул и исчез в кипящей белой воде.

Адмирал долго смотрел на воду, потом сплюнул, прошептал несколько слов на незнакомом Морене языке.

– Пошли, стол, наверное, уже накрыли.

За столом – они молчали...

* * *

Адмирал смог говорить об этом только на следующий день. Они пошли в горы... она была против, но еще никому и никогда не удавалось переубедить адмирала. Он карабкался вверх по ступеням, которые протоптали пастухи и контрабандисты, а она шла рядом, с тревогой вслушиваясь, как он дышит. С его возрастом подъем в горы мог его и убить...

Так они вышли на какую-то полянку... небольшую, там были в живописном беспорядке раскиданы камни в половину человеческого роста, и оттуда открывался великолепный вид на поросшие лесом склоны глубокого ущелья. Адмирал оперся о камень и долго смотрел вниз, в ущелье – а она стояла рядом и думала: если есть такая красота, почему в мире столько ненависти и зла? Неужели это стоит того?

– Из этого пистолета я убил человека, – вдруг сказал адмирал.

Морена ничего не ответила

– Думаешь, я приказал тебе его выбросить, чтобы не отвечать за это?

Морена покачала головой

– Я бы и так ничего не сказала.

– Самое страшное наказание вот тут... – адмирал показал на свои седые волосы. – Когда засыпаешь, и боишься закрыть глаза. Потому что они приходят к тебе. Они ждут тебя – там. Они ждут твоей смерти, чтобы встретить тебя. И скорее всего – отомстить. Может, потому я так долго и живу. Оттягиваю встречу с теми, кто ждет меня там.

Адмирал помолчал, а потом сказал – окончательно и страшно:

– Их слишком много...

Апрель 2023 года. Марсель, Франция

Марсель – город, занимающий последнее во Франции место по налоговым доходам и предпоследнее по государственным дотациям. Город, в силу экономического спада отданный на откуп мафиозных группировок, которые выстраивают преступные империи, пробуждающие преступные аппетиты конкурентов. Город, в котором рабочих мест не хватало еще до того как марсельский порт пережил экономический крах. Город, в котором мафия часто становится главным работодателем.

«Либерасьон»

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Еришалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Еришалаиме

и его окрестностях...

Адмирал Санторо возвращался в Марсель из Парижа, который он ненавидел. Ненавидел со всей его ложью и лицемерием. С имперской спесью, для которой уже давно не было оснований...

Он возвращался в Марсель, который он тоже ненавидел, но не так. Это было болезненное чувство, ненависть-любовь. Ради этого чувства живут с человеком, и ради него – его же убивают.

Потомок пье-нуа, черноногих¹⁴, на четверть араб – адмирал Санторо был потомком французских беженцев из Алжира. Его отец так и не смог ассимилироваться в этой стране, чужой и родной одновременно, не смог стать просто еще одним французом. Ненависть он сохранил до конца жизни, передал ее детям, ненависть – была тем единственным, чего в доме всегда было в достатке. Иногда не было денег, иногда – еды, но ненависть была всегда, садясь за стол, они, дети, всегда выслушивали полные ненависти тирады от отца. Молодой Жозеф Санторо был выходцем из самых низов, которому Республика дала шанс, и который использовал его на все 200 процентов – везде он выкладывался по полной, будь то учеба или служба. При этом в нем всегда оставалось что-то глубоко чужое, не французское, что он тщательно скрывал...

¹⁴ Французские колонисты, вынужденные вернуться после падения французской власти в Алжире. Большинство из них так до конца и не ассимилировалось. Поселившись на юге Франции – они стали питательной средой для экстремизма всех мастей

В Париже – он провел больше месяца, не раз бывал в Елисейском дворце. Его нынешний хозяин – гомосексуалист и благонамеренный идиот, который мало изъявлял желание учиться – провозглашал благоглупости и приходил в ужас от того немногого, что рассказывал ему адмирал о своей работе.

А работы хватало. В их стране уже больше десяти процентов мусульман. Согласно французскому законодательству – при рождении четвертого ребенка пособие резко увеличивается, оно становится достаточным для того чтобы мать могла не работать и полностью посвятить себя воспитанию детей, кроме того, семье бесплатно полагается социальное жилье. Для французов четверо детей – это много. В то время как для мусульман – даже мало. Вот и получался демографический взрыв в самом центре Европы... и да, десять процентов это в среднем по стране, в крупных городах эта цифра давно вдвое-втрое больше. А Марсель – второй по величине город Франции – так же является и городом, где мусульмане составляют большинство. Это уже не христианский город, и скорее всего – уже и не французский.

Немалая часть народившихся таким образом деток развлекалась тем, что поджигала машины и била витрины. Но некоторые принимали радикальный ислам, а иные – переходили от слов к действиям. Таких было все больше и больше.

Чтобы решить эту проблему, адмирал придумал душегубку. В общем-то – он не придумал ничего нового, он просто

повторил опыт айнзац-команд из Белоруссии, занимавшихся плановым снижением численности еврейского населения рейхскомиссариата. Существовала официально одобренная программа, согласно которой Франция вела усиленное наблюдение за экстремистской активностью в сети, вычисляла тех, кто был на грани того чтобы совершить террористический акт – по активности в сети. Но дальше происходило нечто, о чем никто не знал. Несколько человек, переодетых полицейскими – подходили на улице к подозреваемому и предлагали проехать в участок. Обычное дело. Подозреваемый соглашался, его сажали в обычный с вида полицейский фургон, в котором, однако кабина была полностью герметизирована, а в пассажирский отсек – сделан отвод от выхлопной трубы. Поездка на таком вот газенвагене – обычно заканчивалась у одного крематория, где не задавали вопросов. Никаких следов не оставалось, шума, пыли, сопротивления – тоже не было.

Адмирал понимал, что то, что он делает – не просто преступление, если это вскроется – то это ляжет страшным и несмываемым пятном на всю репутацию Республики. Если это станет известным, то Франция может стать изгоем в ЕС... Сейчас не те времена, когда де Голль мог создавать эскадроны смерти, оставаясь при этом «демократом» в глазах мирового сообщества, так как тем самым он боролся с коммунизмом. Сейчас время принципов. Время такого лицемерия, какого еще никогда не было. За это ухватятся и смеша-

ют Францию с дерьмом. Просто потому, что хорошо, когда сосед грязнее и виновнее, чем ты сам...

Но адмирал втайне хотел этого. Потому что в глубине души он ненавидел страну, в которой он жил и хотел ей беды. Ненависть – как вирус передалась ему от отца, ненависть к врагам его страны – незаметно переросла в ненависть к самой стране, которая, как считал адмирал предала его и таких, как он, и шла в неправильном направлении. Адмирал ничего и никому не говорил о своей ненависти – но действовал в соответствии с ней. Ненависть определяла его путь.

Самолет – частный «Дассо Фалькон» – приземлился на военном аэродроме близ Марселя, там адмирала уже ждал бронированный «Гранд Чероки». Адмирал сел за руль, телохранитель привычно сел сзади. Французы до сих пор сохраняли слабость к автомобилям этой марки, которая когда-то принадлежала концерну «Рено».

Без проверки машина выехала с аэродрома... адмирал был мрачен, думы одолевали его, хотя он этого и не показывал. В Париже снова были новые люди... ублюдок геронтофил¹⁵ все более активно ставил своих людей на посты. Почти все они имели то или иное отношение к дому Ротшильдов.

Ублюдок торгует страной – а всем на это плевать...

Машина уже ехала по городу... надо что-то решать. По-

хоже, пора готовить запасной аэродром...

Удар!

Адмирал выругался... этого только не хватало. Задумался... и вот, боднул чью-то «Вольво. Теперь придется разбиться...

Он вышел из машины... сразу понял – не слишком сильно. Может, удастся договориться...

– Простите...

Водитель «Вольво» уже выбирался наружу... выбиралась...

– Мне очень жаль, я...

Адмирал вдруг понял, что он смотрит в серо-зеленые глаза Морены. Ангела смерти. Богини зимы. У нее не было в руках оружия – но это ничего не значило.

– Должно быть...

За спиной уже был телохранитель – но адмирал знал, что на линии огня ему не выжить в любом случае.

– Должно быть... нам надо поговорить.

Морена кивнула.

– Садись ко мне в машину, – адмирал повернулся к телохранителю. – Ты поезжай за нами...

* * *

Марсель – был одним из крупнейших портов континента; его упадок начался в наполеоновские времена, когда он стал жертвой британской континентальной блокады. Сейчас

– порт был бледной тенью когда-то могущественного торгового города-порта, главным перевалочным товаром были оружие и наркотики. В городе действовали сразу несколько криминальных кланов – местные семьи, корсиканцы, арабы. Была даже организация грузинских воров в законе. Она назвала форт Святого Иоанна, как место, где она хотела бы поговорить – он был известен своими лавандовыми полями и привлекал туристов. Адмирал подозревал, что место выбрано не случайно и где-то там прячется снайпер – но ничего не мог поделать...

Они оставили машину, и перешли в форт по мосту, брошенному над оживленной автострадой. Мост был похож на большой рельс и сам по себе был архитектурной достопримечательностью. Они были похожи на отца с дочерью, на папика с молодой любовницей... все было неправдой. И правдой тоже было.

– Где ты была все это время?

– Неподалеку.

– Это не ответ.

– Почему? Ответ. Лучше ответьте мне – за что убили Дэвида?

– За что? – изумился адмирал. – Это я тебя должен спросить, за что? За что ты его прикрывала?

– Задача ставилась не так. Я передавала вам информацию с его компа, ту что удавалось собрать в Сити лично мне...

– Некоторые слова не стоит произносить.

– Черт возьми, я и понятия не имела, что за ним могут охотиться профессионалы! Если бы знала, вела бы себя иначе!

– Удар профессионала отвести невозможно.

...

– Так, где ты была?

– У отца, – зло сказала Морена – лечилась.

– А, у старого графа. Вылечилась?

– Более – менее. Этот ублюдок почти разрезал мне сердце ножом.

– Кто это был? – прищурился адмирал. – Ты его видела раньше?

– Никогда.

– Что он хотел?

– Ничего. Он пришел, чтобы убить.

– Как он выглядел? Можешь описать?

– Я плохо помню

Это было ложью. Она все отлично помнила. До мельчайших деталей.

– Молодой, старый?

...

– Лет сорока, рост средний, обычная внешность. За что убили Дэвида? Вы следите за этим делом?

– Так, краем глаза. Полицейское расследование зашло в тупик. Они ничего не нашли.

...

– Что ты собираешься делать?

Морена, ничего не ответив, повернулась, чтобы уйти. Адмирал схватил ее за рукав.

– Я задал тебе вопрос.

Морена скосила взгляд на темную ветровку, спросила

– А это что?

Адмирал опустил глаза вниз и замер. Ярко-красная точка, подрагивая, ползла по груди

– Отпустите...

Адмирал нарочито медленно отпустил Морену. Сделал шаг назад, потом еще один. Криво усмехнулся

– Дальше что?

– Ничего. Кое-какую информацию я оставила у отца. Если со мной что-то случится, произойдет утечка информации. Или – этот снайпер вернется, и меня рядом уже не будет. Не ищите меня. Я увольняюсь.

Адмирал ничего не ответил

* * *

Быстро, почти бегом – Морена спустилась вниз, по старинной лестнице – там ее уже ждал длинноволосый худощавый парень в кожаной куртке. Она прыгнула на заднее сидение мощного мотороллера, и парень рванул с места.

– Спасибо, Фабрис, – крикнула она, перекрикивая ветер, гул порта и машин. – Ты меня опять выручил.

Мощную китайскую лазерную указку они купили в лавке

барахольщика, заплатив что-то около трех евро.

– Это твой партнер? – с ноткой ревности в голосе спросил парень.

– Работодатель! – крикнула она, наслаждаясь скоростью и ветром – бывший...

* * *

Кафе, где они обедали с баронессой – было на том же самом месте, как и комната Фабриса на втором этаже, в которую можно было залезть через окно с улицы. К дому баронессы она не пошла – просто не смогла.

– У тебя тут еще больше техники стало... – сказала она, осматриваясь.

– Майнинг биткойнов, – сказал Фабрис, снимая шлем – последняя тема. Сейчас полно прог, которые могут влезть в твой комп, и заставить его работать на тебя, причем ты даже знать об этом не будешь...

– Круто. А от тебя можно посерфить? Так чтобы меня не нашли?

– Без проблем. У меня даже выход в Даркнет¹⁶ есть...

– Покажешь?

* * *

Первым делом – она проверила пару своих ящиков... ра-

¹⁶ Параллельный интернет. Сайты даркнета имеют не название, а цифровой адрес и не обнаруживаются поисковиками.

боту в Сити она потеряла, но не репутацию – если она захочет вернуться, то вернется – вон, хедхантеры пишут. Но сначала она должна кое с кем разобраться.

И кое с чем.

Зачем?

А хотя бы затем, что он знал ее. Точно знал, кто она и на что способна. Не составляло труда догадаться – если убийца встречается мужчину и женщину, от кого он будет ждать опасности? Вряд ли от женщины, тем более что Дэвид был выше его на целую голову. Но он точно знал, что опасность – будет исходить от нее, и заранее приготовил нож, чтобы применить его первым и сразу.

И это очень интересный вопрос – кто...

Если бы хотели убрать ее – ее бы и убрали. Но хотели убрать его. Ее ударили ножом просто потому что она мешалась им. Дэвиду пришлось намного хуже – его вывезли за город и жестоко пытали. Согласно заключению патологоанатома его не убили – он умер от пыток.

Значит, вполне возможно, он им ничего не сказал. Не успел сказать. А значит, они могут быть где-то рядом. Кружить вокруг его семьи как акулы.

А если он все же сказал, что-то должно было измениться. Она многое знала о делах Дэвида, очень многое. И если она увидит изменения – то поймет, в чью пользу они произошли. Так она выйдет на заказчика...

Проверив почтовые ящики, она залезла в социальные се-

ти... у нее был аккаунт в Фейсбуке, она завела его, чтобы подружиться с дочерью Дэвида, Сашей. Проверив сначала свою страничку, она зашла на страничку Саши... и ей не понравилось то, что она там увидела...

Очень не понравилось.

– Фабрис, – спросила она заговорщическим тоном, – а ты можешь хакнуть чужой комп?

– Полицейский?

– Нет. Вот ее.

Фабрис придвинулся, постучал по клавишам.

– Плевое дело...

Апрель 2023 года. Париж, Франция

Париж...

Она почти два года не была в Париже, и то, что она в последний раз была тут с Дэвидом – оставляло в душе какое-то сосущее чувство утраты и боли. Дэвид обожал Париж, он учился здесь какое-то время в юности – и никак не мог понять, почему ненавидела Париж она, предпочитая в поездках по Европе любой город кроме Парижа. Не могла же она ему сказать, что она работает на французскую разведку и скачивает информацию с его компа. И что в Париже и его, и их обоих может поджидать большая опасность.

Он не заслужил того, что с ним сделали. Он был слишком хорошим человеком, чтобы вот так умереть...

Париж был прежним... все те же негры и арабы на улицах, все те же решетки, граффити на стенах и моча... запах мочи. Увы... но ХХІ век, видимо, поставил окончательную точку в вечном споре Парижа и Лондона... победил Лондон, став одним из двух глобальных городов человечества вместе с Нью-Йорком. Париж же стал «европейским Могадишо», как его иногда называли.

А жаль.

Несколько раз проверившись, она зашла в магазин, на входе в который вас встречало чучело вставшего на задние лапы

медведя. Владелец магазина был не чужд чувству юмора.

На вывеске было написано «таксидермия Лекони».

Пожилой человек за столиком, похожий на карикатурного еврея – оторвался от чтения свежей газеты.

– Я могу вас чем-то помочь, мадемуазель?

Морена с интересом осмотрелась. Оскаленные пасти смотрели на нее со всех сторон, было видно, что владелец делает свое дело с немалым мастерством. Это хорошо. Любое дело нужно делать хорошо...

– Вообще-то можете. Мне нужно чучело южноамериканской лисицы зорро. В натуральную величину.

Еврей отложил газету.

– Боюсь, эта лисица занесена в Красную книгу, мадемуазель. Это невозможно.

Морена посмотрела на еврея в упор.

– Мне не впервой нарушать закон. Вам, вероятно, тоже.

Еврей смотрел на нее с сомнением.

– Вам... кто-то порекомендовал мое заведение, мадемуазель?

– Ангел.

Еврей вздрогнул

– Даже так...

– Да...

Она достала фотокарточку, которую только что забрала из дома.

– Узнаете?

Еврей подслеповато посмотрел на фото.

– Да... – с грустью заключил он – узнаю. Это действительно он, а это вы. Вы его дочь?

– Это вас не касается.

– Да, да. Что бы вы хотели заказать?

– Нужно что-то для скрытого ношения. Что-то, что не выглядело бы как оружие и тем не менее было бы им.

Оружейник кивнул.

– Сейчас, принесу...

Старый еврей отложил газету и скрылся в подсобке. Морена на всякий случай проверила пистолет – он у нее был, она взяла его из тайника этим утром. Но ей нужны были чистые стволы и не здесь...

За спиной едва слышно щелкнул замок – теперь в «таксидермию Лекони» с улицы не войти...

Снова появился еврей, с чемоданчиком.

– Вот, извольте...

...

– Это пистолет – сотовый телефон. Выглядит, скажем, не слишком новым, но как сотовый телефон работает, и можно стрелять.

– Как?

– Вот эта кнопка – советую обращаться с ним осторожно, мадемуазель. Калибр двадцать два, два ствола.

– А перезаряжать?

– Вот так. Просто открываете – и... А вот это – зажигалка,

в ней – стреляющий механизм вот здесь. Здесь только один ствол. Тоже двадцать второй. Вы курите?

– Нет.

– Тогда вам стоит взять телефон. Конечно, он не такой модный, как Айфон, но может спасти жизнь...

– Я возьму и то и другое...

– Тогда с вас три с половиной тысячи евро.

– Не дорого?

– Это со скидкой. Для других было бы четыре.

– Хорошо. Еще нужны три чистых пистолета. Глок семнадцать, Глок двадцать шесть и Рюгер Амфибия.

– Всё есть, кроме Амфибии. Чтобы ее достать, потребуются... скажем два дня. Для Европы это довольно редкое оружие.

– Я не спешу.

– Радует. В наши дни многие спешат, и это плохо. Еще что?

– Пистолет-пулемет. Лучше MP5K

– Осмелюсь порекомендовать вот что.

Еврей снова скрылся в подсобке, не забыв забрать чемоданчик, и вышел с другим пластиковым чемоданчиком, на сей раз явно фирменным, в который упаковывают оружие на заводе...

– Это Скорпион. Укороченный вариант, как и MP5K. Большинство профессионалов сейчас перешли на него. Надежный, универсальный, встречается везде, комплектуется

чем угодно, прицел можно установить какой угодно – и дешевле чем МР5 раза в три. Вам отдам за две тысячи.

...

– И включу в эту цену глушитель.

– У меня нет времени привыкать к незнакомому оружию.

Мне нужно то, о чем я сказала.

– Это вдвое дороже.

– Хорошо. Еще мне нужна снайперская винтовка. Болтовкая, высоткой точности, с возможностью работы на 600–700 метров.

– Тогда рискну предложить вам вот что... «Сабатти», калибр 300, винчестер магнум, облегченный ствол, для горных охот.

...

– На самом деле отличная винтовка. Высокая начальная скорость, выше 1000 метров в секунду, метров до 600 можно и поправку не брать. Пробивает бронежилет.

Морена отрицательно покачала головой.

– Ремингтон 700, 308 НАТО, тяжелый ствол, с нарезкой пять Р¹⁷. Прицел кратностью не меньше 10, сетка в угловых минутах, не Китай. Что-то серьезное. Найдфортс, Марч, Леопольд старших серий, Валлада – если есть.

Оружейник посмотрел на нее с интересом.

– Да... теперь я вижу, что вы действительно от Ангела. Такие винтовки есть. Складное ложе от Макмиллан, нарезка под глушитель. Глушитель в комплекте. Прицел Леопольд, 10 на 40, армейская модель. 12 тысяч. Завтра можете забрать.

Морена снова покачала головой.

– Мне нужна доставка. В Лондон.

– Еще плюс 5000. И два дня.

– Заберу у вокзала Сент-Панкрас. Три лилии¹⁸, верно?

Оружейник вздрогнул

– Почему вы сразу не сказали? Я бы вам еще больше скидку сделал.

– Я тоже не могу доверять, кому попало. Месье Лекони...

20 апреля 2023 года.

Кан-Портсмут-Лондон.

Самый безопасный способ переправиться в Великобританию – далеко не всегда самый быстрый...

После того, как Великобритания вышла из состава ЕС, на границе появился контроль, но осуществлялся он выборочно, и, вообще-то говоря, спустя рукава. Больше искали нелегальных мигрантов, чем кого-то наподобие ее самой.

В туристической фирме она взяла напрокат небольшой туристический кемпер. Легенда – молодая служащая, хочет посмотреть Великобританию, но не тратить деньги на отели и hostels. Кемпер – прицеп – она прицепила к подержанному, но ходкому «Мицубиши-Паджеро», который арендовала в другом месте. Кемпер – то, что может дать ей свободу, потому что если её будут искать – то искать будут, прежде всего, в отелях. А места в кемпере столько, что спрятать можно что угодно.

Подцепив кемпер, она доехала до Кале, порта, снова ожившего с выходом Великобритании, на месте купила визу – марку и вклеила ее в паспорт – так как она была гражданкой ЕС, и ее имя было не Алия или Рания – никто не задал ей никаких вопросов. Новенький паром перебросил ее и ее

машину на землю Соединенного Королевства, где надо постоянно помнить, по какой стороне дороги ехать.

Настроение в Великобритании было мрачным, она сразу это почувствовала. Были объявлены досрочные выборы, страна уверенно шла к своему концу. Шотландия потребовала провести повторный референдум о независимости – он уже был несколько лет назад, но до того, как прошел референдум о выходе страны из ЕС, а шотландцы тут же заявили, что они на такое не подписывались. Потребовали самостоятельности и жители шести северных графств Ирландии, только не на референдуме – возобновился кровавый конфликт, который терзал эту землю двадцать семь лет. Членство в Великобритании и Северной Ирландии в ЕС было одной из основ урегулирования, в Белфаст пришел капитал, как международный, так и ирландский, люди ездили в гости и на работу друг к другу, ирландские фермеры сдавали молоко со своих ферм британским переработчикам – и такие контакты лучше любых политических переговоров способствовали миру. Но сейчас вновь проведенная граница разлила одних и разочаровала других... мертвые поднялись, чтобы хватать за ноги живых... тянуть их в кровавую джигу, которую так просто начать отплясывать заново...

Никуда не торопился только Уэльс, там не было крупных и самодостаточных экономически городов. Но все понимали, что если решится вопрос с Шотландией – на выход захочет и Уэльс. Лондонцы же, в большинстве своем проголосо-

вавшие против выхода из ЕС – теперь упражнялись в ненависти к неотесанному быдлу глубинки, раскалывая уже и самому Британию.

Которая теперь вряд ли уже станет великой...

Найти место на стоянке кемперов было несложно – теперь, после того как континент и остров разделила граница, количество туристов поубавилось. Зайдя в два разных туристических агентства, Алиса купила два дорогих билета с открытой датой – один в Париж, другой в Барселону. Настало время действовать...

* * *

Саша, дочь Дэвида – училась в школе для девочек Сэнт-Мэри в Аскоте, это вторая по рейтингу школа Великобритании только для девочек. Но школа есть школа, а так она была обычным бунтующим ребенком своего поколения... да и, наверное, всех других. Для которых слово «нельзя» – лишь повод для любопытства.

Алиса наблюдала за тем, как Саша с подружками покидает школу, держась поодаль – у нее не было оружия, только ручка в титановом корпусе, блокнот да бинокль, что выдавало в ней бёрдвочера¹⁹, охотника за редкими птицами. Она убедилась, что кроме нее за девочками никто не следит, и пошла следом.

Довольно быстро они пришли на захолустную станцию электрички, оживляющуюся только тогда, когда в Аскоте происходят ежегодные скачки, на которых ставить деньги на лошадей не возбраняется даже королеве. Довольно быстро подошел поезд... Алиса тоже купила билет, и наблюдала, как девочки сели в поезд до Лондона... но Саша почему то осталась.

Делая вид, что она занята своим мобильником (в котором не было СИМ-карты) – она пропустила ее и пошла следом.

Тайна раскрылась почти сразу же – на небольшой площадке у самого вокзала – притормозил черный БМВ. Саша прыгнула в него и машина тут же рванула с места. Она успела только заснять машину и ее номер – телефон полезная штука, даже без СИМки.

* * *

В кемпере она скачала всю информацию с носителей, рассортировала и стала думать.

Чеченского парня, который увез Сашу – она уже знала. Потому что она его особо и не скрывала – во френдах в соц-сети, размещенные фотографии. Саше было пятнадцать лет, но здесь это не препятствие для отношений...

Именно это и сорвало ее из Парижа – встречаться с чеченцем для пятнадцатилетней британки небезопасно. И, кроме того, она подозревала, что дело с этим чеченцем – неладно. Не просто так этот чеченец появился в жизни дочери убито-

го неизвестно кем с особой жестокостью британского лорда. Чтобы найти, где он живет – он этого и не скрывал – потребовалось всего несколько минут серфинга в сети и телефонный звонок Фабрису во Францию. Она арендовала машину, поставила в нее четыре видеорегистратора, поставила их на постоянную запись, и оставила на стоянке рядом с тем домом, где жил молодой чеченец по имени Маирбек – у чеченской диаспоры в Лондоне не было своего угла, и они рассыпались по всему большому Лондону. Еще раз сменив машину – новую она взяла по каршерингу – она отправилась к вокзалу Сент-Панкрас, получить то, что ей привезли из Франции.

Получила успешно – полученное перевезла и спрятала недалеко от кемпера, оставив при себе лишь Рюгер – тихое и смертоносное оружие. Спрятав его в машину, она отправилась искать супругу Дэвида... бывшую.

* * *

Самое смешное, что Дэвид их познакомил. Это было как раз в Эскоте, на скачках. Мероприятие, которому уже три сотни лет, и на которое родовитые лорды ездят в смокингах на электричках с вокзала... сейчас это модно и даже принято. Здесь часто бывает, если не королева, то Принц Уэльский, здесь собирается элита. Дэвид вывез ее... И на трибуне они столкнулись с его супругой. Типичная англичанка из высшего света – высокая, какая-то мосластая,

короткая стрижка, но не каре – а как под мальчика, только еще уродливее. Она была с парнем, больше похожим на тренера по фитнесу, Дэвид представил ее просто как Элис – и они даже расцеловались. Ей стало противно от лицемерия – в тот день они даже поссорились с Дэвидом, что было редкостью.

Он сказал – мне плевать, что думает она. Я хочу, чтобы думали они все...

Вся жизнь родовитой светской львицы – сейчас в социальных сетях... ей не составило труда понять, в какой маникюрный салон она ходит. Раньше бы ее туда не пустили, только для членов – но сейчас, из-за того что Дэвид вывел ее в свет, представил кому надо – ее тут могли помнить...

Оставив машину на стоянке, она решила немного пройтись... Лондон был хорошо приспособлен для прогулок пешком, use pedestrian²⁰ были на каждом углу, да и по пути можно было провериться, не идет ли кто за ней. Британская полиция, если ей вздумается за ней следить – конечно, будет использовать камеры... но если она привлекла внимание бандитов, которых в этом городе не меньше, чем в любом другом европейском...

Лондон... все тот же самый Лондон... новомодных апартаментов и 500-летних домов в самом центре, город шопинга и развлечений, Темзы и Биг Бэна. Она вспомнила, как первый раз сюда попала... бабушка занималась с ней англий-

ским языком, но ей казалось, что все это, сам London, стоящий на берегу Thames river House of Parliament, все эти двухэтажные автобусы красного цвета и черные кэбы – все это не настоящее, все это придумано кем-то и когда-то для лохов, а на самом деле этого нет, и все в мире живут, как живут они. А тут – вот тебе и Темза, и парламент, и красные автобусы, которые мчатся, как сумасшедшие, да еще по неправильной стороне дороги...

Пришла.

Лучший салон красоты Лондона – если у нас непременно вывесили бы плакат на полстены, да еще и на дороге какую-нибудь дрянь поставили, то тут – старые, но в хорошем состоянии деревянные рамы в окнах, строгая дверь с дверным молотком и маленькая медная табличка. Хорошее здесь не нуждается в рекламе, про хорошее все и так знают – этот салон в течение почти 150 лет принадлежит одной и той же семье и в него ходят одни и те же люди, поколение за поколением. Здесь это нормально.

Понятно, что никакой охраны на входе не было – ни одно солидное заведение в Лондоне не позволит, чтобы посетителям встречал человек в камуфляже. Вместо этого – уютный, пусть и старомодный холл со стойкой ресепшена, за ним девушка. Столь же приятная, сколь и неприступная...

– Я могу вам помочь?

– Да, можете... Я бы хотела увидеть графиню Элизабет. Она вероятно здесь?

Девушка за стойкой чуть нахмурилась

– Простите, вам назначено?

– Нет.

– В таком случае, боюсь, я ничем не могу вам помочь.

– Графиня Элизабет...

– Мы не выдаем сведения о наших клиентах, извините...

Морена достала ручку и небольшой желтый блокнот, какой имели все, от юристов до биржевиков.

– Но передать записку вы сможете?

– Боюсь...

Спор решило само провидение – открылась дверь, и в помещение респешена вышла молодящаяся, красиво одетая женщина с неприятным, мосластым лицом, которое не исправить никакой косметической хирургией.

– Мадам Элизабет...

Женщина дернулась, повернулась к ней.

– Мы можем поговорить?

– А, это вы, милочка...

Оборонительная позиция. Ей оставалось рассчитывать только на одно – англичанин больше всего на свете боится оконфузиться, даже если свидетелем конфуза будет всего один человек. Каким бы дело ни было, англичанин предпочтет уладить его тихо.

– Хорошо, у меня будет несколько минут, – милостиво кивнула она.

Они вышли на улицу. Лондонская погода как всегда

непредсказуема, начал накрапывать легкий дождик...

– У тебя нет зонта, милочка?

– Нет. Полиция провела расследование? Что оно дало?

Женщина усмехнулась – зло и неприятно.

– Ничего. Как и в большинстве случаев последнего времени. Нападение бандитов. А тебе разве не все равно? Ты не нашла себе нового... покровителя, милочка? Или может, рассчитываешь на какое-то наследство

– Мне не нужно ваше наследство.

Элизабет рассмеялась.

– О чем это ты, милочка. Наследства никакого нет, все и так уже у меня. Выстрел впустую. А та квартира, которую он тебе купил – забирай ее. Должна же и ты что-то получить за то, что возилась с этой тряпкой.

– Я хотела бы поговорить о Саше.

– Что?!

– Ваша дочь встречается с чеченцем. Он опасный человек.

– Откуда ты знаешь это?

– Просто знаю, и всё. Поговорите со своей дочерью, она не понимает...

– Нет, это ты не понимаешь, милочка, – женщина развернулась к ней всем корпусом, теперь она была по-настоящему зла. – Ты никто здесь. И зовут тебя никак. Одного звонка старым друзьям моей семьи будет достаточно, чтобы тебя выдворили из страны с пожизненным запретом на въезд. Так что будь умницей, хватай в клювик то, что удалось ухватить

и лети отсюда. Поняла?

Алиса не ответила. Женщина отошла на пару шагов и подняла руку, останавливая мчащийся кэб.

– Такси!

* * *

Интересно... до какой глухоты можно дойти... что даже судьба твоего ребенка будет значить для тебя меньше, чем сделанный только что маникюр...

Как сказал кто-то умный, Британия – это викторианский особняк, и все шкафы в нем набиты скелетами.

Алиса размышляла об этом, пока ехала в центр... ей надо было навестить адвоката Дэвида, на Тоттенхем-Корт-Роад. Адвоката звали Рой Курттрайт, и если бы Дэвиду понадобилась юридическая помощь – он, несомненно, обратился бы к Рою. Потому что они вместе учились в Итоне, а для англичанина это свято. Англичанина вообще мало кто может понять, кроме того, кто учился с ним в одной пригготовительной школе, ходил в один университет или служил в одном с ним полку.

Рой стал модным адвокатом, он не устроился ни в какую юридическую фирму – ему хватило денег и родовитости его родителей, чтобы основать свою. Он получил статус барристера, который не так-то просто получить в Лондоне и полное членство в Грей Инн, одной из четырех лондонских коллегий барристеров²¹, первое упоминание о которой относит-

ся к 1370 году. Известность он получил во время процесса Березовский-Абрамович. Как барристер, он не должен был заниматься завещаниями и всей прочей ерундой, но обслуживал Дэвида почти неофициально, как друг и однокашник.

Офис на Тоттенхем Корт Роад находился в недавно реновированном трехэтажном здании бывшей шляпной фабрики. Элис нашла нужную строчку на доске, где были адреса всех находящихся здесь контор, но ждать ей не пришлось – по лестнице быстро, почти по-мальчишески сбежал человек лет сорока, худощавый, с темными пронизательными глазами и короткой, почти как у военных стрижкой. Все адвокаты носили такую, потому что в суде надо было выступать в напудренном парике.

Он заметил ее первым – они были шапочно знакомы.

– Элис...

Она невесело улыбнулась

– Да. Это я.

Куртрайт как-то странно посмотрел на нее, потом взглянул на часы.

– Ты голодна?

– Вообще то...

– В таком случае, я приглашаю тебя.

имеют право готовить дела и консультировать, но выступать в королевском суде имеют право только барристеры. Чтобы стать барристером нужно выдержать экзамен в одной из четырех коллегий барристеров – Грей инн, Линкольн инн, Иннер темпл и Миддл Темпл. Все эти коллегии были образованы в промежутке от 13 до 16 века.

Она посмотрела на часы

– Файв о'clock. Успеем в хорошее место?

– У меня есть постоянный столик у Скотта. Дождись меня,
я только заберу кое-что в офисе

* * *

До модного ресторана они добрались на кэбе – несмотря на нашествие Uber, старый лондонский кэб пока держался, став не столько средством передвижения, сколько одним из символов великого города. У Скотта – помимо обязательно-го для Британии чая в пять часов подавали и неплохие ленчи. Ресторан был достаточно известен – но не слишком и туристов тут было немного.

– Как ты? – спросил Рой, когда подали чай, «ассам» для него, и черный кенийский для нее. Ей возможно, потребуются силы, потому она заказала самый крепкий из всех известных чаев – кенийский.

– Как видишь. Держусь на ногах и это уже хорошо.

Рой отхлебнул чай. Вид у него был заговорщический.

– Ты нашла меня. Ты хочешь знать...

– Да.

– Ну... скажем так, завещание было.

– То есть.

Рой иронически поднял брови.

– Завещание Дэвида вскрыли, в соответствии с законом.

Никаких распоряжений относительно тебя или его семьи не

было. Все его небольшие активы были завещаны на исследования по борьбе со СПИДом. Там было немного. Все, что было до этого, при разводе оттяпала жена.

Алиса достаточно хорошо знала англичан, чтобы улавливать иронию.

– Но это не всё.

– Да, не все.

Рой достал из внутреннего кармана пиджака некий предмет, тяжелый, из филигранно обработанной хирургической стали и положил перед ней.

– Что это?

– Ключ.

– От чего?

– Не знаю.

...

– Но догадываюсь. От швейцарского банковского сейфа. Мне кажется, старина Дэвид мухлевал с налогами. И не хотел, чтобы кто-то что-то прознал даже после его смерти. Однажды – это было в гольф-клубе – он показал мне твою фотокартточку и дал ключ. И сказал отдать тебе это, если с ним что-то случится. У нас это называется «дружеская услуга».

Алиса понимающе кивнула. Налог на наследство в Великобритании достигал сорока процентов выше льготной суммы, платить его готовы были не все.

– Я тебя искал тогда... но не смог найти.

– Я уехала... к семье.

– Вот, но теперь ты меня нашла, и я отдаю тебе ключ. Спи спокойно, Дэвид – так?

Она никогда не могла понять того спокойного и даже какого-то насмешливого отношения англичан к смерти. Когда-то, в сражении при Ватерлоо, два британца стояли рядом, два военачальника – герцог Веллингтон, и герцог Мальборо. Когда французское ядро оттяпало Мальборо ногу по колено, он удержался на ногах, и воскликнул: «Боже, кажется, мне оторвало ногу!» Герцог Веллингтон воскликнул в ответ: «Да что вы такое говорите, сэръ!»

– За что его убили? Ты что-то знаешь?

Рой откинулся на спинке стула, достал сигарету, но зажигать не стал. Тут нельзя было курить – но никто не запрещал держать в руке сигарету, и многие так и делали, нервирова администрацию ресторана.

– Это были бандиты.

– Бандиты?

– Да. Те, которых мы напускали с континента, и которые рыскают как волки по улицам. Красным шапочкам стоит быть осторожнее

Она поняла, что больше никакой информации не получит, поднялась со стула.

– Благодарю, Рой...

23 апреля 2023 года. Вадуц, Лихтенштейн.

До Цюриха она добралась самолетом, кружным путем. Несмотря на то, что слежку она не обнаружила, опыт подсказывал – будь осторожна. Потому она вылетела не в Цюрих, а в Страсбург, там села на трамвай и на нем въехала на территорию Германии. Уже на той стороне она арендовала полноприводную «Тойоту», как нельзя лучше подходящую для швейцарских дорог – и уже на ней отправилась в страну сыра, банков и часов.

Швейцарии она достигла менее чем за час – это место находилось на стыке границ сразу трех государств. Многие немцы ездили в Швейцарию работать – зарплаты в Швейцарии были в два раза выше немецких.

Как и любой человек, профессионально работавший с финансами, она испытывала большое уважение к этой стране и к проделанному ею пути. Швейцария была, по сути, средневековой страной, приспособившейся к современности – но приспособившейся так, как никто другой. Эта страна, в которой не было ничего кроме гор, стала одной из самых богатых стран мира, в ней зарплата в 5–6000 евро считалась средней.

Это по-прежнему было царством тайн. Один пример –

несколько лет назад под давлением со всего счета Швейцария согласилась частично снять вуаль банковской тайны, которая и сделала ее такой богатой. Но выполнив требование международного сообщества – она одновременно приняла закон об уголовной ответственности за раскрытие информации клиентов и каждый банковский клерк должен был теперь несколько раз подумать – а стоит ли отвечать на запрос. Или еще один пример – жители Швейцарии однажды вынесли на референдум вопрос, проголосовали – и запретили строительство мечетей. Вообще. Кого не устраивает, могут уезжать.

Здесь старая деревянная развалюха могла стоять миллион долларов. Для этой страны миллион долларов – почти ничто.

До Цюриха она добралась уже под ночь, сил ей хватило только взять номер в Шератоне и завалиться спать.

* * *

Утром она пошла искать частного детектива. Не зная, как действовать, она действовала так же, как если бы она была финансистом в сложной ситуации. Детективы – часто бывшие полицейские – имеют куда больше возможностей, чем простые люди – даже в сложных жизненных ситуациях.

Сделала пару звонков по номерам, знакомым еще с Сити – и везде ей называли одного и то же имя...

* * *

Частный детектив позвонил уже на следующий день. Пригласил приехать в офис.

– Мадам, – торжественно сказал он, когда Алиса прошла в его кабинет, – ваше поручение выполнено.

– И? От чего же ключ?

– От банковской ячейки, – торжественно объявил детектив.

Алиса покачала головой.

– Это я уже и так догадалась. От какой именно? В каком банке.

– HSBC bank, мадам

– Отлично – удивилась Алиса – здесь далеко?

– Боюсь, что да, мадам. Судя по номеру это филиал в Лихтенштейне, туда надо добираться.

Лихтенштейн. Всё интереснее и интереснее. Карликовое княжество, чрезвычайно богатое – они вторые по ВВП на душу населения после, кажется Бахрейна. Абсолютная монархия, куча банков, почти незываемая банковская тайна. Их князь – один из самых богатых монархов в мире. Точного размера его состояния не знает никто – у него никогда не было ни одной публичной компании, ни одного публичного траста. Но он скупает активы по всему миру, начиная от плодородных земель в Аргентине и заканчивая американскими фармацевтическими компаниями. Часть расходов бюджета своего крохотного княжества он оплачивает сам, например, все дороги в княжестве ремонтируются за счет его личных

средств.

Про Лихтенштейн лучше всего говорит история, случившаяся там в самом конце Второй мировой войны. Когда наступающая советская армия подошла к границе нейтрального Лихтенштейна – они знали, что на его территории нашли свое убежище до сорока тысяч нацистов, причем большинство из них были русскими, а возглавлял их генерал-майор вермахта Борис Смысловский.

Навстречу советским войскам вышел премьер-министр Лихтенштейна Йозеф Хооп, сын крестьянина, занимающий пост премьер-министра вот уже семнадцать лет. Он сказал, что это нейтральная территория и советская армия пройти не может. Советский офицер сказал, что они уйдут, если им выдадут спрятавшихся на территории Лихтенштейна русских. Хооп спросил – по какому праву они требуют выдать тех, кто нашел убежище на их земле? Офицер смутился и запросил штаб, оттуда прислали посыльного с текстом Ялтинского договора, подписанного Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем. Хооп внимательно прочитал договор и сказал – но здесь нет подписи моего князя! Так Лихтенштейн никого и не выдал – ни одного человека, спрятавшегося на его территории.

Сам Хооп, после этого инцидента почувствовал, что ему нужно лучше изучить право. Он в пятьдесят лет покинул пост премьер-министра, поступил на юридический факультет университета, окончил его и прошел путь от адвоката до

верховного судьи Лихтенштейна.

В Лихтенштейн не ходил никакой общественный транспорт, там не было ни аэропорта, ни вокзала – добираться можно было исключительно автомобилем. Алиса пошла в прокатную контору и арендовала неприметную, но мощную полноприводную «Шкоду» – у прижимистых швейцарцев эта машина пользовалась популярностью, хотя и стоила она примерно семь средних месячных швейцарских зарплат. На этой машине она тронулась в путь по опасным швейцарским горным дорогам...

Было красиво...

Швейцария, эта горная цитадель прямо в сердце Европы – извлекала максимум из всего, что у нее было, и из всех, кто сюда приезжал. Несмотря на маленькую территорию – здесь много всего производили, от шоколада до зенитных установок, и все, что здесь делали – относилось к категории «премиум». И стоило соответственно. Средняя швейцарская зарплата – от 3000 до 6000 евро в месяц в зависимости от кантона. Стоимость деревянной избушки рядом с лыжной трассой может достигать миллиона евро. Преступности здесь почти нет, убийство в этой стране – чрезвычайное событие. Мигрантов тоже нет. Швейцария не вступала в ЕС и потому мигрантов не пускает. Решение о запрете строительства мечетей принято на референдуме. Почти все мужское население страны состоит в отрядах территориальной обороны, автомат в доме такая же обычная вещь, как часы.

И все это дополняется совершенно сумасшедшими природными ландшафтами, сильно напомнившими ей Сан-Карлос де Барилоче. Седые шапки гор, ледяные озера и реки, водопады, высокогорные луга, трава на которых такая яркая, что кажется нарисованной, слепящее солнце...

Границы между Швейцарией и Лихтенштейном не было – никто ничего не проверял, потому что люди, получающие по 5–7000 евро в месяц вряд нуждаются в полицейском контроле. Столица Лихтенштейна называлась Вадуц, в ней жили примерно пять с половиной тысяч человек и еще тысячи полторы работали по долгосрочным контрактам, не имея счастья быть подданными лихтенштейнского князя. Те же, кто имел такое счастье – наслаждались высочайшим уровнем жизни в одном из самых идиллических мест Европы. Так как Лихтенштейн был абсолютной монархией и не имел ни армии, ни других государственных институтов, на которые нужно тратить много денег – подданные князя не облагались налогами. За все платил сам князь из своего кармана.

Чтобы подданным князя было, где работать, в городе разрешали открывать бизнес иностранцам. Правда, если в дирекции компании будет подданный Лихтенштейна. На город с населением в пять тысяч человек – приходилось более девяноста банков. Банкиры любили Лихтенштейн, потому что если приходил налоговый запрос даже из США – Лихтенштейн отвечал неохотно, а порой и вовсе не отвечал.

Потому что это абсолютная монархия. И князь – согла-

шения об обмене налоговой информацией с США – тоже не подписывал.

* * *

HSBC bank – девятнадцатый по активам банк мира и крупнейший из банков с британским происхождением – был порождением британской торговли опиумом, на нем основатели банка сделали первые свои капиталы. Несмотря на то, что сейчас банк не занимал первые строчки финансовых рейтингов, его вес в деловом мире был огромен. Он был одним из пяти глобальных банков, участвовавших в золотом фиксинге, то есть определявших цену на золото и одним из трех, которые печатали гонконгский доллар²². Сказать, что HSBC bank – это глыба финансового мира – значит, наверное, даже преуменьшить его вес в мире финансов.

Как Алиса узнала до того, как ехать в Вадуц – детектив был немного не прав. HSBC bank в Лихтенштейне больше не функционировал. После публичного скандала с отмыванием денег через приватный банкинг, он продал свое отделение в Вадуце вместе с клиентурой и всем клиентским портфелем банку LGT. Это был крупнейший банк Лихтенштейна, и владельцем его был... конечно же князь. И если HSBC bank торговался на бирже и подлежал банковскому и нормативному контролю со стороны британского регулятора – то LGT

²²

Гонконгский доллар как и американский печатается не государством, а группой уполномоченных банков. Для справки – при территории страны чуть более 1000 квадратных километров гонконгский фондовый рынок превышает по капитализации российский в пятнадцать раз.

bank не котиrowался ни на одной бирже, и подлежал контролю со стороны властей Лихтенштейна во главе, разумеется, с князем. Потому и клиентам и банку можно было быть спокойными – больше скандалов не ожидалось.

LGT bank находился в Вадуце на Хееренгассе, 12 в современном четырехэтажном здании. Алиса остановилась в отеле Левен чуть ниже по улице, легенда родилась сама собой. Клиентка, ранее работала с HSBC bank, теперь ее активы банк перепродал другому банку и она должна восстановить свой аккаунт и наладить удаленные отношения с банком. Обычное дело... кстати, Лихтенштейн не держал пограничной охраны и таможни в том числе и потому, чтобы те, кто приезжали в Лихтенштейн, не оставляли следов в виде визы в паспорте или чего-то подобного. В наши дни, когда все следят за всеми, это тоже немаловажно.

Внутри здания была старомодная обстановка, характерная скорее для 90-х годов, потому что банк не нуждался ни в какой репутации, кроме той, которая у него уже была и не старался выглядеть модным и современным. Он и рекламы никогда не давал, потому что его потенциальные клиенты и так о нем знали, а другим ни к чему. Как только Алиса зашла внутрь – к ней сразу подошел молодой, серьезный человек в очках. Что-то выдавало в нем не местного – человека, который получил годовой или пятилетний трудовой контракт и теперь из кожи вон лез, чтобы оставаться здесь, в этой идиллии и на этой зарплате. Скорее, Восточная Европа – здесь

он получает в десять раз больше того, что он получал бы на родине за ту же самую работу.

– Здравствуйте ... – сказал он по-английски, – меня зовут Карел, я могу вас чем-то помочь?

Чех. Или словак.

– Да... – Алиса оглянулась – вообще то я ищу менеджера
– Позвольте вас проводить...

* * *

На втором этаже ее проводили в одну из комнат для переговоров и оставили там. Комната была обставлена дорого, но старомодно, было видно что обстановку не меняли лет двадцать. Потому что вещи, купленные двадцать лет назад, были в хорошем состоянии и продолжали служить, и выкидывать их ради чего-то более модного не было никакой надобности.

Менеджера пришлось ждать минут десять – она хорошо знала, что за это время ее сняли со всех сторон и прогнали фото через несколько баз данных.

Потом вышел молодой человек и вежливо попросил следовать за ним

* * *

В кабинете, в который ее привели – не было ничего лишнего – но был аквариум. Это потому, что если в кабинет пронесут подслушивающее устройство – рыбки почувствуют это

и начнут метаться. Дверь запиралась на электрический замок и внутри не было даже ручки. Пришедший клерк представился ВИП-менеджером, но по виду он был, скорее, сотрудником безопасности банка...

Алиса улыбнулась.

– Меня зовут Элис Фишер – сказала она, используя то имя, под которым она работала в Лондоне и на которое адмирал выписал ей подлинный французский паспорт с проверенной и прослеживаемой биографией, вплоть до колледжа, в котором она якобы училась, – у меня довольно сложное дело.

Менеджер поощряющее улыбнулся

– Банк сделает все, чтобы помочь вам, мисс Фишер, все, что в ваших силах.

– Видите ли... мой гражданский партнер... трагически погиб... и оставил кое-что из вещей мне. Частью этого является вот эта вещь... – Алиса выложила на стол странный предмет. – Я полагаю, это ваш ключ?

Менеджер посмотрел на ключ, потом на нее.

– Мисс, я могу это взять?

– Да, разумеется.

Менеджер посмотрел на ключ, на выгравированный на нем едва заметный номер.

– Я бы хотела вступить во владение тем, к чему открывает доступ этот ключ. Естественно, в соответствии со всеми юридическими формальностями, какие положены в та-

ком случае.

– Разумеется, разумеется, мисс.

Менеджер медлил, и Алисе это не нравилось.

– У меня так же есть заверенная копия свидетельства о смерти.

– Это очень хорошо, мисс. Я могу взять это, чтобы проконсультироваться с юристами?

Алиса сделала озабоченное лицо.

– Что-то не так?

– Нет, мисс. Просто договор, который ваш гражданский партнер заключил с банком – несколько... нестандартный. Там есть определенные условия.

– Какие условия?

Менеджер вежливо улыбнулся

– Извините, мисс, этого я сказать не могу.

– В таком случае, может, мне вернуться сюда с моим адвокатом?

– В этом пока нет необходимости, мисс.

* * *

Через час менеджер вернулся, вместе с ним был еще один, в черных роговых очках. Он представился как Кельвин.

– Мисс Фишер...

– Да? – она нетерпеливо постукивала ручкой по столу

– Видите ли... возникла небольшая проблема... с идентификацией вашей личности.

Неужели на нее что-то есть в Интерполе? Не может быть!

– У меня есть оригинал паспорта и документы, заверенные надлежащими британскими властями, – ледяным тоном сказала она, – этого что, недостаточно? В чем дело, вы можете мне сказать?

– Мисс Фишер, специфика нашего банка...

– Вы можете мне сказать, что мешает вам идентифицировать мою личность?

– Боюсь, что нет, мисс Фишер.

Она думала. Думала изо всех сил, пытаясь найти выход из ситуации. Решить уравнение, часть которого она даже не знала. Сначала ее учила жизнь, потом – Ангел. Он говорил ей – никогда не сдавайся, будь всегда уверенной в себе. Выход всегда найдется, просто нужно рассматривать все возможные варианты. Даже те, о которых никто и не подумает.

Она вдруг поняла, в чем ее преимущество сейчас. И поняла, что если сейчас уйдет, то вызовет еще большие подозрения.

– Я так полагаю, – медленно сказала она, – что вы не уверены, что Элис Фишер это я?

Менеджеры смущенно улыбнулись

– И что мне можно доверять?

...

– Если кто-то поручится за меня, за то, что я это я – это будет достаточно?

– Это очень необычно, мисс Фишер.

– Что если это будет кто-то из банковской среды. Кто-то первой величины. Не менеджер. Намного выше...

* * *

Современный мир был одной большой деревней, в которую его превратили современные средства коммуникации. Обычным делом было совершить видеозвонок и увидеть человека на другом конце света. А современные модели смартфонов оказались настолько совершенны, что закон разрешил их использовать при проведении платежей и удаленной идентификации личности.

МакКлюра она нашла в ресторане, где-то в Сити, он поглощал свой ланч. Она представила себе Сити в это время дня – солнце начало клониться к закату, половина рабочего дня уже прошла и тысячи и тысячи клерков разбредаются по окрестным ресторанам, чтобы пообедать. Сейчас на дворе XXI век – и потому генеральный директор может обедать в том же ресторане, что и клерк, и это считается нормальным. Нормальным считается приезжать на работу на велосипеде или приходиться пешком – сейчас никто из капитанов финансового мира не садится в «Роллс-Ройс», чтобы отъехать на обед в одном из лучших ресторанов Лондона, да еще оплаченный за счет акционеров – его просто не поймут. Берег Темзы тоже заполнен клерками, но пониже рангом, они поглощают еду на вынос, но часто приготовленную в тех же ре-

сторанах – просто на вынос дешевле. Все общаются, договариваются о чем-то... она вдруг поняла, что скучает по атмосфере Сити, как скучает по Аргентине. Единственное место, по которому она не скучала – была ее родная Одесса.

МакКлюр взял телефон после третьего гудка, увидев Элис на экране, он сильно удивился.

– Элис... господи, откуда ты? Мы тебя потеряли.

– Гэри...

– Я не говорил тебе... мне очень жаль... то, что произошло с Дэвидом это безумие... нас всех это сильно подкосило.

– Гэри... спасибо, я сейчас в Лихтенштейне.

– Ты перешла на работу туда? Ради Бога, Элис...

– Нет, дело не в этом. Ты знаешь о том, что Дэвид оформил завещание?

– Да, Дэвид говорил мне. Он готов был на все, чтобы ничего не досталось его бывшей жене.

– Он мне передал ключ через своего адвоката. Ключ от своей ячейки в Лихтенштейне. Я сейчас пытаюсь открыть его ячейку. Но они не верят что я – Элис Фишер и что мне можно доверять. Ты не мог бы подтвердить...

Она умоляюще смотрела на экран.

Гэри МакКлюр медленно кивнул

– Передай им трубку. Все нормально, господа. Я знаю эту леди. Все нормально...

* * *

После того, как ее опознал Гэри МакКлор, лихтенштейнские банкиры удалились на очередное совещание и совещались еще часа два. Солнце клонилось за горы, время подходило уже к вечеру. Наконец, в комнате, где она ждала, появилась целая делегация.

– Мадам, – дородный, представительный мужчина склонил голову, – я – Дариус Мюллер, вице-президент банка.

– Очень приятно, – немного нервно ответила она, – в чем дело? Почему вы заставили меня так долго ждать?

– Прошу прощения, мадам, – по тону Мюллера она вдруг поняла, что с ней обращаются как с особо важной персоной, – просто характер вклада, который был сделан в наш банк... таков, что мы вынуждены прибегать к особым мерам предосторожности. Мы не можем раскрывать его характер пришедшему с улицы постороннему, извините, мадам. А документы сейчас... но если вас знает сам мистер МакКлор, то вероятно, все в порядке. Еще раз приношу от имени банка глубочайшие извинения за то, что заставили вас ждать.

– Может, мы не будем затягивать ожидание?

– Да, разумеется, мадам. Я лично провожу вас к вашей ячейке. Еще раз приношу самые глубокие извинения. Мы понимаем, что характер отношений наших клиентов с банком... скажем так...

Она сделала нетерпеливый жест

– Да, да, конечно. Прошу вас.

* * *

Большой делегацией они прошли по коридору, дальше все отстали, а она спустилась вместе с управляющим банка в подземное помещение, где было хранилище. Мюллер открыл две двери своим ключом, после чего – они открыли – его мастер-ключом, и тем ключом, что был у Алисы – ячейку. Ячейка была размером примерно восемь на восемь дюймов, и была сделана из нержавеющей стали. В помещении не было даже ковра – чтобы в нем не могло затеряться ничего, что могло случайно выпасть из ячейки.

– Мисс Фишер – сказал Мюллер – могу я помочь вам перенести ячейку на стол?

– Да, конечно...

...

– Теперь вы можете открыть ее.

– Чем?

– Вашим же ключом. Видите, замочная скважина с другой стороны, она доступна, только если полностью достать ячейку. Она открывается одним ключом, не двумя.

– Спасибо.

– Мисс, теперь я должен вас оставить. Можете работать столько, сколько вам нужно, мы не закроемся даже на ночь, если вам потребуется поработать подольше. Еще раз приношу извинения за недоверие от лица руководства банка. Надеюсь, вы продолжите свое сотрудничество с нами.

– Вероятнее всего.

Когда Мюллер ушел – она вставила ключ в замочную скважину и повернула.

* * *

Денег было совсем немного. Две пачки, двадцать тысяч британских фунтов. И золото – по ее прикидкам, килограмма три. Что ее удивило – слитки были русские, по пятьсот граммов каждый. Шесть слитков, так называемые «шоколадки», они плоские и по размерам напоминают плитку шоколада.

Три килограмма золота. По текущему курсу чуть меньше ста тысяч евро.

Клеймление на них всех было выполнено одним годом – тысяча девятьсот восьмидесятым, что ее немного удивило. Довольно старое золото, такое обычно не попадает в частные руки. Она вдруг поняла, что это всё, что Дэвид сумел спасти при разводе и вывезти сюда.

Остальное содержимое ячейки – а она была набита под крышку – составляли деловые бумаги. Нотариальные акты, уставные документы, свидетельства о собственности. Она начала просматривать их, хмурясь все больше и больше. У всех компаний, учредительные документы и свидетельства о собственности которых хранились здесь, дата инкорпорации была между восемьдесят первым и восемьдесят восьмым годом.

Прошлого века.

Довольно старые компании. Ни об одной из них она не слышала. Но все были организованы довольно странно – в разных кантонах, и каждая из них владела одним или двумя трастами. То есть юридическое лицо – но в прямом владении у него ничего нет, и определить действительную стоимость его активов по балансу невозможно. Для этого нужно знать наполнение трастов, а его узнать не так то и просто. За трастом может стоять еще один траст...

Восемьдесят первый. Это время, когда налоговое планирование еще не достигло такого расцвета как в 90-е и нулевые. И люди не мотались по низконалоговым юрисдикциям, а работали в своей стране.

И это время когда не было компьютеров и интернета, а информация о создании компаний хранилась в бумажном виде у нотариуса и, скажем, в муниципальном реестре. Далеко не все оцифрованы и об этих компаниях могли просто забыть – что никак не отменяет их легальность. В Европе на деловые обязательства смотрят немного иначе, чем в других местах – есть например вексель, выданный в середине семнадцатого века, и по нему до сих пор город выплачивает доход. 30–40 лет в Европе – это ничто. В Германии, например, немалая доля известных бизнесов существует более ста лет. В Италии недавно обанкротился банк, который существовал и работал более трехсот лет.

Что же это такое?

Ей вдруг пришла в голову еще одна мысль – а как связано

между собой то, что русское золото и даты инкорпорации компаний – одни и те же?

* * *

За полночь она вернулась в Цюрих. Специально ради неё – вечером в банк привезли нотариуса и переоформили ячейку на ее имя. Это было в девять часов вечера по местному времени – никто в Европе в это время не работает.

Из ячейки она взяла только одну пачку денег, все остальное оставила. Ей не давало покоя еще вот что – когда услуги нотариуса оплатил банк, что само по себе говорило об уровне отношений – она спросила, не стоит ли ей внести деньги за пользование ячейкой. Ей вежливо поклонились и сказали, что ячейка оплачена на сто лет вперед при заключении договора, и заново платить ей придется через шестьдесят лет.

То есть, ячейка была открыта и оплачена в самом начале восьмидесятых годов, в то же время, когда были инкорпорированы все эти компании, и в то же время, когда русские отлили свое золото. То есть – Дэвид никак не мог открыть эту ячейку, она перешла к нему от кого-то.

От кого?

И как это связано с тем, что произошло с Дэвидом и с ней?

Лежа в постели в номере отеля «Алден Сьют» – она не могла заснуть и думала. Что она знает о Дэвиде? Почему адмирал приказал ей переспать с ним? Чем Дэвид мог заинтересовать французскую разведку?

Ей вдруг пришло в голову, что неприметный Дэвид мог

быть одним из тайных управляющих финансами дома Виндзоров. Про финансы британской королевской семьи было известно всё – и в то же время ничего.

Общеизвестно, что доход Ее Величества складывается из двух источников – компании по управлению королевской собственностью, которая так и называется «Собственность Короны» (Crown Estate), и так называемого гражданского листа – выплат Королеве за исполнение ею ее обязанностей из бюджета Англии – то есть за счет налогоплательщиков. Это называется Суверенный грант. Он составляет на настоящее время примерно сорок миллионов фунтов в год.

«Собственность Короны» (Crown Estate) – компания, которая управляет королевской недвижимостью – получает прибыль в размере до трехсот миллионов фунтов в год, из них восемьдесят пять процентов идут в бюджет, а пятнадцать процентов – Королеве. Короне принадлежат огромные куски свердорогой земли в Лондоне, в том числе Риджент-стрит полностью, вместе со всем, что на ней есть.

Королева не платит некоторых налогов, и, помимо собственности Короны, ей принадлежит и личная собственность – в 2015 году она оценивалась в 340 миллионов фунтов, в том числе портфель акций на сто десять миллионов фунтов.

Это не учитывает королевскую коллекцию произведений искусства – многие просто бесценны. Есть и коллекция драгоценностей, ее оценка – примерно десять миллиардов фун-

тов.

Если сложить все вместе, то получается, что Королеве принадлежат активы на сумму никак не меньше 25 миллиардов фунтов, что позволяет ей потеснить с первого места Алишера Усманова и стать самым богатым человеком в Великобритании. Но Ее Величество из природной скромности этого не делает и позволяет быть самым богатым человеком Великобритании Алишеру Усманову.

У короля много. В данном случае – у королевы.

Но люди, которые интересуются не только тем, что передают каждый день по телевизору, а знают финансовый мир изнутри, знают, что не все так просто. Например, если внимательно вчитаться в британское законодательство по праву собственности на землю – то в какой-то момент ты понимаешь, что этого права нет. Есть обычай считать таковым вообще не право собственности в римском его понимании. На самом деле ВСЯ земля Великобритании принадлежит дому Виндзоров, а подданные Ее Величества лишь пользуются ей на срочной или бессрочной основе.

А если копнуть еще глубже... нет, глубже на самом деле копать не стоит. Поговаривают, что истинное состояние дома Виндзоров превышает триллион долларов. Если это соответствует действительности, то дом Виндзоров стоит в одном ряду с Ротшильдами, Рокфеллерами, Морганами. Состояние британской королевы, скопленное за триста лет невидимой активности, не облагаемой никакими налогами и не подвер-

гаемой никакому учету и контролю – может превышать состояние всех ее подданных вместе взятых. Но дому Виндзоров совсем не обязательно, чтобы подданные знали про это, и они устраивают цирк на публику, рассказывая, как они огорчены тем, что бюджет урезал им содержание по цивильному листу.

Кто-то же должен управлять этими деньгами? Почему бы не неприметный Дэвид?

И его пытали ради того, чтобы выведать секреты того, чем он управлял. Может, он ничего не сказал им, верный своему долгу и слову.

Но не сходится одно. Шесть русских слитков золота. Зачем они там?

Так ничего и не надумав, Алиса, в конце концов, заснула тревожным, не дающим отдохновения сном...

26 апреля 2023 года.

Париж, Франция

Рано утром – она села на поезд TGV Lygia до Парижа. Скоростной двухэтажный поезд – позволял добраться до Парижа примерно за три часа, а контроль был куда меньше, чем в аэропортах. Поезда, слава Богу, еще не взрывали.

Еще в поезде был бесплатный wi-fi. Думая, что делать, она вдруг хлопнула себя по лбу. Какая же она балда! Первое, что она должна была сделать – запросить отчет из общедоступной деловой информации. Конечно! Надо обратиться в Блумберг – любой биржевой аналитик, любой специалист по M&A²³ в первую очередь сделал бы это! В Блумберг – каждый день приходят миллионы запросов о самых разных участниках рынка, никто не заметит именно этот. Но так – у нее будет полный начальный пакет информации для анализа того, что попало ей в руки. А опыт, полученный в Сити и возможно, пара звонков знакомым, которые у нее остались – помогут окончательно прояснить ситуацию.

Зайдя в Интернет, она зашла на свою страничку, заказала отчет по одной из фирм, учредительные документы которых лежали в ячейке банка в Вадуце – пока у нее на аккаунте

сохранялись деньги, и светить карточку не пришлось. Это хорошо.

* * *

В Париж она прибыла около полудня, на Лионский вокзал.

Что бросилось в глаза – а она не была в Париже довольно долго – ситуация с безопасностью во французской столице, и до того не блестящая, стала еще хуже. Париж всегда притягивал к себе всякие отбросы общества – равно как и самых блистательных людей континента. Но в какой-то момент на смену безобидным парижским клошарам, ночующим под мостами, пришли молодые отморозки из пригородов с молотками и ножами, с бутылками с коктейлями Молотова, а теперь им на смену пришли мусульмане. В Париже еще в 70-е была мощная мусульманская община – турки, беженцы из Алжира с его исламо-социалистическим экспериментом – но теперь город захлестывал поток совершенно чуждых ему и Европе арабов, негров, афганцев. В последнее время к ним присоединились турки – но другие турки. Если те турки, которые приезжали в 60-е, были турками из кемалистской, светской Турции – то эти несильно отличались от арабов. Они ненавидели США, Израиль, молились Аллаху и готовы были на всё.

После того, как Великобритания закрыла границы – а кризис с беженцами, скорее всего, стал определяющим в голосо-

вании по Брекзиту, он, а не вмешательство Путина – Франция стала конечной точкой для всего этого отстоя. Финалом пути. Европейским Могадишо.

Палатки, грязь, мусор. Течет моча. Дети, совсем маленькие, просят милостыню, те, что постарше, шныряют как стайки крыс, ища чего спереть – они хорошо знают, что по французским законам им ничего не сделают, что бы они ни натворили. Женщин не видно – они или готовят или где-то подрабатывают.

Мимо всего этого спешат настоящие европейцы, стараясь побыстрее сесть в такси или автобус или автомобиль и покинуть эту клоаку. Но вокзалы всегда были криминальными клоаками, а теперь таковыми стали и улицы. Теперь от клоаки – не спастись нигде.

Полицейские в бронежилетах с автоматами и ружьями – раньше во Франции никогда так не было, такое оружие доставали лишь во время беспорядков – стараются на все на это не смотреть, потому что сделать ничего не могут. Франция зашла в тупик – когда французы двести лет боролись за свободу, равенство и братство, они явно не рассчитывали на равенство и братство с афганскими или нигерийскими беженцами.

Что удивительно – приехавшие с семьями мужчины отнюдь не стараются найти работу. Кто-то, конечно, ищет и находит – работа есть всегда, если ты готов работать нелегально и без социальных гарантий. Но большинство мужчин жи-

вуют на пособие, день за днем сидят в кафе для своих, потягивают кофе, общаются, во время намаза перемещаются в мечеть или в молельную комнату. Работать они не собирались и не собираются, так как считают, что все во власти Аллаха. Жизнь за счет женщин не вызывает у них ни малейшего оттенка стыда.

Каждый третий прохожий на улице – или араб или негр. Еще цыгане – после того, как в Румынии закончился переходный период, и граждане Румынии получили возможность претендовать на полное социальное пособие ЕС в любой стране, все цыганские таборы снялись с мест и пошли в Германию или во Францию. Теперь ромалы жили в Париже и Берлине и занимались там отнюдь не песнями и плясками.

Ей повезло. В такси, которое она поймала, водитель был настоящий француз. Сейчас в такси в основном брали нелегалов, и садиться в джихад-такси одинокой женщине было настоящей русской рулеткой...

– О-ля-ля, мадемуазель, – сказал таксист едва она села в такси, – и как такая красавица не боится путешествовать одна?

И ведь углядел, что на пальце нет кольца. Французы есть французы.

– Как приятно встретить соотечественника... – она моментально встроилась, вспоминая язык, подбирая интонации, – в Лондоне меня так не встречали.

– Эти англичашки... – противостояние англичан и фран-

цузов, начавшееся во время Столетней войны²⁴

²⁴ Война, продолжавшаяся с 1337 по 1453 годы, начавшаяся из-за претензий британского монарха на французский трон. По сути, эта война стала прологом к появлению национального самосознания – с отказом французов принять британского монарха на троне именно потому, что он англичанин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.